

КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ

№2(6) май 2018

2

«Мы решили
захватить
Пензу»

13

Что скрывает
«Милая Роща»

30

Sic transit
Gloria
mundi

СТР. 21 ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ
О чём рассказал дневник лейтенанта Крылова

Проводы. Из серии «Опаленные войной».

Коржев-Чувелев Гелий Михайлович. 1967. Холст, масло. Государственный Русский музей

СЛОВО РЕДАКТОРА

Когда-то давно, кажется, в начале восьмидесятых, когда я, то ли оканчивал школу, то ли уже учился в институте, попался мне журнал – не могу вспомнить точно, может, «Наука и жизнь», а, может, «Наука и религия». Там я прочитал один небольшой материал о том, что в Индии, в Дели, есть храм, который называется Храм Лотоса. Помню, в журнале была фотография этого храма в виде огромного белого цветка лотоса. Вероятно, это, действительно очень красивое и величественное сооружение, поскольку даже маленькая фотография весьма посредственного качества смогла передать лаконичную грандиозность архитектурного замысла. Но поразил меня не столько сам вид храма, сколько то, что было о нем написано.

Как выяснилось, храм этот абсолютно пуст. Ничто не напоминает там о принадлежности к какой бы то ни было из религий. И, в то же время, он – вмещище всех религий. Сюда может прийти человек любого вероисповедания, любой национальности, и здесь побыть наедине со своим Богом.

Помнится, очень тогда запал мне в душу этот Храм Лотоса. Подумалось – так, наверное, и должно выглядеть будущее человечества. И в самом деле, что может быть разумнее стремления к объединению людей? Нас разделяет слишком много барьеров: языковых и географических, исторических и религиозных, национальных и расовых. Но, при этом, все мы являемся жителями одной планеты.

Американцы любят снимать фильмы о том, как на Землю нападают инопланетяне, и человечеству, поставленному перед угрозой полного уничтожения, волей неволей приходится забыть свои междоусобные распри и объединиться перед лицом глобальной опасности. Несмотря на однотипность, эти фильмы несут очень важную мысль о необходимости объединения не по расовому или религиозному принципу, а по планетарному. То есть, в условиях глобальной катастрофы становится неважным, на каком языке ты говоришь, какому богу ты молишься и какого цвета у тебя кожа. Важно одно – то, что все мы представители человеческой расы.

Как ни странно, в XX веке это понимали лучше, чем в нынешнем, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Когда я сегодня слышу о конфликтах на религиозной или национальной почве, меня удручает не суть этих конфликтов, но сама возможность их возникновения и развития в современном обществе. Кроме того, не может не настораживать острота этих конфликтов – необузданная, искренняя, первозданная. Как-будто, все впервые, с чистого листа, и мы, как неопиты, с пеной у рта, бросаемся друг на друга, потрясая кулаками, тщась доказать правоту своего бога или превосходство своей нации. Ведь все это уже было и память об этом еще достаточно свежа, чтобы стыд за собственную глупость мог удержать от повторения подобного. Однако же, например, противоречия между православием и католичеством достигли небывалой остроты именно сегодня. И уже нередко можно слышать, что православному сейчас легче найти общий язык с мусульманином, нежели с католиком. Понятно, что, говоря так, пытаются обозначить определенную тенденцию. Однако такая трактовка, построенная на противопоставлении, лишь усугубляет раскол. Мы должны искать и находить не то, что нас разделяет, а то, что объединяет. И Храм Лотоса – это символ той великой цели, к которой должно неустанно стремиться человечество. Это не только великая, но и единственно возможная цель, если, конечно, человечество хочет сохраниться, как вид.

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители:

Вячеслав Николаевич Карпов,
Анатолий Евгеньевич Коломыцев

Главный редактор:

Анатолий Евгеньевич Коломыцев

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Пензенской области.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 58-00277 от 14 февраля 2017 г.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикации. Все рекламируемые товары и услуги подлежат обязательной сертификации. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ». За качество материалов, предоставленных заказчиком, редакция ответственности не несет. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

По вопросам сотрудничества
обращаться по тел.: **56-24-91**

Издатель:

А.Е. Коломыцев

Адрес редакции:

440026 г. Пенза, ул. К. Маркса, 16, оф. 19.
тел.: 56-28-20, 56-42-00

Адрес издателя:

440011 г. Пенза, ул. Карпинского, 19, кв. 38.
e-mail: kult-provins@yandex.ru

Отпечатано в типографии «Трафарет»,
г. Арзамас, ул. Березина, д. 3.

Заказ №

Тираж — 2 500 экз.

Подписано в печать: 24.05.2018.

По графику: 17.00. Фактически: 17.00.

Распространяется бесплатно.

2 ФОТОАРХИВ

Игорь ШИШКИН

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

К 100-летию чешского мятежа

13 КРАЕВЕДЕНИЕ

Вячеслав КАРПОВ

МИЛАЯ РОЩА МАТРЕНЫ СМИРНОВОЙ

18 ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Александр КРЫЛОВ

О чем умолчал автор статьи

«Милая Роща Матрены Смирновой»

21 СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

Александр КРЫЛОВ

«ИСТОРИЯ НАС НЕ ЗАБУДЕТ»

Найденные дневники помогли восстановить историческую справедливость

28 РЕЗОНАНС

Максим ДЕНИСОВ

ЗОЛОТО. ЛЮБОВЬ. РЕВОЛЮЦИЯ.

30 О TEMPORA, O MORES!

Максим ДЕНИСОВ

КАК СДАЛИ В УТИЛЬ

«НАШЕГО БОЧКАРЕВА»

32 НЕ ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Вячеслав КАРПОВ

ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ

37 МАСТЕРА

Вера ЕРОХИНА

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

И СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

40 ТРАДИЦИИ

Анатолий КОЛОМЫЦЕВ

ЖИЗНЬ В МИНИАТЮРЕ

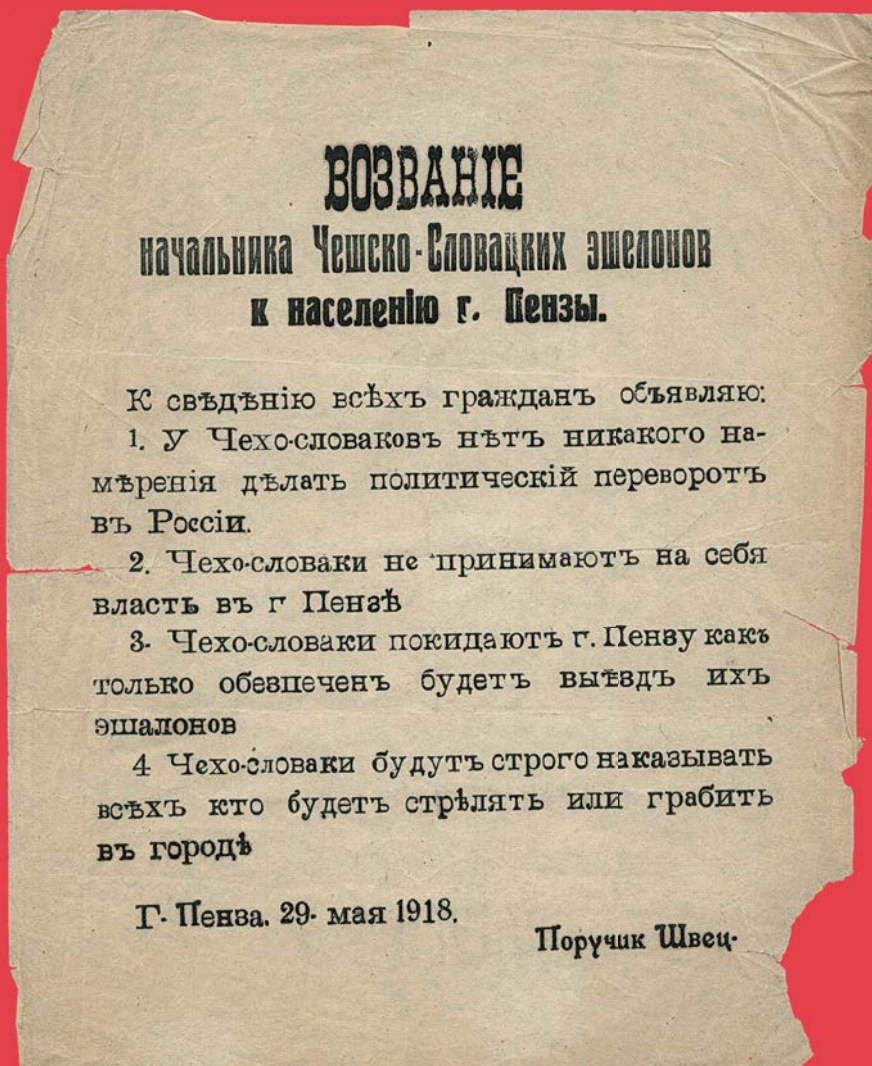
ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ К 100-ЛЕТИЮ ЧЕШСКОГО МЯТЕЖА

Игорь ШИШКИН

В мае 1918 года в Пензе случилось событие, которое некоторые историки считают началом Гражданской войны в России. Произошёл мятеж чешских легионеров, которых советская власть назвала белочехами. У большевиков всё было чётко: коль не за красных — значит, белые, т.е. враги...

Листовка командира чехословацких легионеров, расклеенная по городу утром 29 мая 1918 года. Ее распространили после падения советской власти в городе. Как видно, чехи не собирались устанавливать какую-то иную власть в городе: их это вообще не волновало. И продолжать какие-либо дальнейшие военные действия не собирались. Что, в общем-то, и подтвердилось. Захватив паровозы и топливо, они в течение двух суток организованно погрузились и укатили в сторону Сызрани.

Открытка, выпущенная в Чешской Республике в 1937 году в память о «славном пути» Чехословацкого корпуса легионеров в России: Бахмач — Липяги — Бузулук — Николаевск — Пенза — Самара — Сызрань — Сибирь...

Чехи и словаки в Австро-Венгрии считались второсортным народом и потому были самыми ненадёжными солдатами империи в Первой мировой войне. При первой же возможности они сдавались в плен братьям-славянам и дрались вместе с русской армией против врага отчаянно. Когда же большевики, чтобы удержаться у власти, заключили Брестский мир и сложили перед немцами оружие, legionеры оказались изолированы на Украине. С боями они пробивались в Россию. Терять им было нечего: австрийцы их вешали как изменников. Чехи были дисциплинированы, боевых офицеров уважали, красной пропаганде не поддавались. Большевики хотели было уничтожить корпус, но силёнок не хватало, да и позорно было перед Европой нападать на воюющих за свою свободу. Потому и откликнулись на предложение Франции перебросить их на Западный фронт, но побоялись отправить вооружённые отряды через Мурманск и Архангельск (столицы близко!), а направили через Владивосток. Немцы же требовали от послушных большевиков разоружить корпус, что и было выполнено: на каждый эшелон оставили минимум винтовок. И – никаких пулемётов и пушек. Но 25 мая последовал приказ Троцкого о сдаче всего оружия, грозящий расстреливать каждого, кто будет сопротивляться. Остаться в ставшей им вдруг чужой стране безоружными legionеры, естественно, не пожелали. 40 тысяч штыков были огромной силой, но они растянулись на 2 тыс. км: в Пензе был хвост колонны, голова же достигла Омска. В Пензе, получив приказ наркомвоенмора, стали действовать немедленно: председатель Чк начал переговоры с командованием корпуса о разоружении, одновременно начали агитировать рядовых перейти в Красную Армию. Legionеры, зная приказ Троцкого о применении к ним силы, на всякий случай забрали себе броневики на Пензе-I, присланные большевикам для усиления. Они выставили условие: предоставить им паровозы и топливо для проезда через Пензу. Естественно, им было отказано, и днём 28 мая из орудий, установленных на Соборной площади, большевики начали обстрел района Пензы-III, попутно засыпая снарядами жилые кварталы города. В ответ legionеры атаковали и взяли город. Власть из города бежала. Красноармейцев под честное слово более не воевать – отпускали, с «красными» чехами и словаками, захваченными с оружием в руках, поступали, как с изменниками (впрочем, так же поступали и наши солдаты в Отечественную, когда в плен попадали «власовцы»...). После этого legionеры покинули Пензу.

И сразу же началась героизация событий, где в ход пошло всё: передёргивание фактов, замалчивание «ненужных» сведений и создание «советских» мифов... Мы даём возможность прочитывать свидетельства участников майских событий 1918 года в нашей Пензе с обеих сторон, дабы иметь возможность попытаться самим понять, как было дело...

Фото, сделанное legionерами из эшелона, стоящего на железнодорожных путях станции Пенза-III. Хорошо виден Спасский кафедральный собор на холме. На вагоне надписи: «Оплачено до Парижа», «1-й взвод».

Платформа у перрона на станции Пенза-III с захваченными в Пензе броневидами. Фото 26-29.05.1918 г.

Вокзал Пенза-I. На перроне среди пензяков стоят и чешские legionеры. Снимок сделан в первой половине мая 1918 г., и ситуация вполне мирная. Трудно представить, что через несколько дней эти люди окажутся по разные стороны баррикад...

КРОВАВЫЙ МАЙ В ПЕНЗЕ

КАРЛ АККЕРМАН,
корреспондент американской газеты
«The New York Times»

Из книги «По следам большевиков:
двенадцать тысяч миль
с союзниками по Сибири»

Митинг на вокзале

Я сидел в вагоне и смотрел на Пензу – красивый белый городок, который стал частью истории нашей армии. Здесь решалась наша судьба. Время, проведенное в Пензе, особенно последние две недели перед боями, оказалось самым трудным в моей жизни. В этом городе мы должны были сдать оружие представителям специальной комиссии, в состав которой большевики включили дезертиров из наших частей, называвших себя революционерами и интернационалистами. Некоторые из них приходили в наши вагоны и агитировали нас вступать в Красную армию. Они прямо говорили, что большевики специально задерживают эшелоны, чтобы как можно больше наших солдат переманить к себе на службу.

27 мая в 3 часа дня к нам на станцию пришёл товарищ Кураев [1], пожелавший выступить перед солдатами. Мы собрались вокруг вагона, с которого он начал свое выступление. В своей речи Кураев показал всё свое отношение к нам. Никогда раньше в своей жизни я не слышал такой демагогии! Похоже, он думал, что перед ним стадо баранов. Потом выступал товарищ Минкин [2], речь которого произвела ещё более удручающее впечатление. Он сказал: «Вы воюете за трон царя! Вы не поедете во Францию. На самом деле вас отправят в Африку воевать против чернокожих рабочих и крестьян. Франция просто использует вас, но ничего не даст взамен. Вас продали американским миллионерам. Вы – козлиное мясо!». Некоторые из нас смеялись, другие кричали: «Убирайся, мошенник!». Выступил и кто-то из наших. Говорил, что вин-

товки не сдадим. Если они хотят их забрать, пусть только попробуют. Здесь, на чужбине, мы всего лишь горстка изгнанников, у нас нет даже хлеба. Оружие – это всё, что у нас есть. Если будет нужно, мы готовы воевать против кого угодно, хоть против всего мира. Внезапные раскаты грома и сильнейший ливень помешали продолжению митинга и все разошлись. Я хотел спросить у товарища Кураева, что он обо всём этом думает, но тот отправился на телеграф просить помощи у Москвы.

Мы решили захватить Пензу

Окруженные большевиками, в чужой стране, мы в любой момент могли подвергнуться нападению. Наше положение становилось критическим. Мы решили захватить Пензу, но не стали приступать к делу немедленно. Возможно, в этом проявился добрый дух нашей нации. Нам не хотелось воевать с русскими, хотя атака на город в тот момент не принесла бы столько жертв, сколько их оказалось впоследствии. Мы оставались верны нашей традиции поднимать свой меч лишь в ответ на агрессию.

Тем не менее, влияние большевиков чувствовалось повсюду и уехать из Пензы можно было только свергнув их власть. Опасаясь внезапного нападения, мы составляли по ночам патрули, которые контролировали территорию между железнодорожной станцией и городом. Солдаты ходили в патрули без винтовок, только с ручными гранатами в карманах. Тем временем, противник собирал силы, концентрируясь вокруг нас. В казармах около станции большевики формировали новые роты из мадяров и немцев. Мне в те дни происходящее казалось сумасшествием – как мы, горстка бойцов, сможем выстоять против целого российского государства?

28 мая около 9 часов утра на станцию прибыл железнодорожный состав, на платформах которого мы увидели три броневомобиля. Поезд остановился рядом с нашими вагонами, и случайно получилось так, что башенные пулеметы броневиков смотрели прямо на нас. Самый большой из броневомобилей был вооружен

пушкой и пулеметами, два других были вооружены только пулеметами [3]. «Эти броневики – для нас. Мы должны захватить их», – таково было решение людей, оказавшихся в смертельной опасности. Поручик Швец получил приказ захватить технику, отобрав для этого солдат из 5-ой роты 1-го полка. Тихо и незаметно, словно тени, наши ребята пробежали между составами, нырнули под вагоны, а потом забрались на платформы. Без единого выстрела броневики оказались в наших руках! Другая группа ворвалась в вагоны с охраной [4]. Сопротивления никто не оказывал, хватило команды «руки вверх!» Так у нас появились первые пленные численностью пятьдесят человек, впрочем, один из них всё-таки был ранен. Несмотря ни на что мы пытались продолжать переговоры. Броневомобили нам были нужны до тех пор, пока ситуация не прояснится. Наделись, что теперь пензенские большевики станут сговорчивее. Чтобы не обострять конфликт, мы отдали им раненого, но тот ночью умер.

Железнодорожная станция была заполнена крестьянами. С мешками и баулами они уже два дня ждали поезда. Со всех сторон слышались громкие проклятия и ругательства в адрес Красной армии. Нам даже пришлось принять меры по защите наших пленников от гнева толпы. Мои братья по оружию разбрелись по вокзалу и объясняли крестьянам, кто мы, чего хотим, и почему нас здесь задерживают.

Бой в городе

Как только местные власти узнали об инциденте на станции, в городе объявили тревогу. Мы хорошо это слышали. Сначала раздался гудок на одном заводе, потом на другом, на третьем... Скоро эти ужасные звуки слились в один бесконечный тревожный вой. Казалось, вся Пенза возопила о помощи. Так продолжалось всё утро.

После полудня ситуация изменилась. Со стороны железнодорожного моста послышалась стрельба – это большевики обстреливали наших. Некоторые получили ранения. Мы тут же заняли оборону. Второй батальон захва-

тил дома около станции. Моя рота заняла казармы по другую сторону от железной дороги. В казармах находились немцы и мадьяры. Почувствовав опасность, они без колебаний предали Советскую власть и убежали в ближайший лес. Потом наступило затишье. Мы получили приказ удерживать занятые позиции. Только с правого фланга, со стороны вокзала Пенза-I, доносились одиночные выстрелы. Часть батальона первого резервного полка, те, у кого было оружие, получила приказ захватить вокзал Пенза-I и локомотивное депо. Задачу выполнили, и все локомотивы мы перегнали на Рязано-Уральский вокзал. На станции мы не открывали огонь, так как стрелять было не по кому. Но в городе стрельба становилась всё сильнее и сильнее. Чуть ли не каждую минуту какой-нибудь новый пулемет обнаруживал свое присутствие звуками очередей.

В течение всего следующего дня противник не предпринимал никаких активных действий, и город нами был занят. В ночь на 31-е мая мы получили телеграмму, в которой сообщалось, что наш 3-й полк занял Челябинск, захватив 18 тысяч винтовок, 80 пулеметов и 20 артиллерийских орудий. Мы одержали сразу две победы! Вот так наши солдаты, которые должны были быть «расстреляны как собаки» [5], разгромили в Пензе Красную армию, а также немцев и мадьяров.

Примечания автора

1. Кураев В.В. — председатель Совета губернских комиссаров в апреле-августе 1918 г., секретарь Пензенского губкома РСДРП(б) в 1917-1918 гг.
2. Минкин А.Е. — председатель президиума губернского Совета в апреле-августе 1918 г.
3. Тяжелый пушечно-пулеметный бронированный автомобиль типа «Гарфорд» был вооружен 76.2-мм орудием и тремя пулеметами. Согласно традиции тех лет броневикам присваивалось имя собственное. Данный броневик назывался «Грозный». Другие захваченные машины: «Армстронг Уитворт Фиат» под названием «Адский» и экземпляр, собранный из частей броневиков «Остин» 1-й и 2-й серий.
4. Охрана поезда состояла из китайцев.
5. Видимо, интерпретация приказа Троцкого, согласно которому «каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте».

Легионеры чехословацкого корпуса в Пензе. Ликование на лицах: война закончена, впереди — дорога домой. Март 1918 г.

Эшелон с чехословаками на станции Пенза-II перед отправкой. Фото — май 1918 г.

Легионеры, идущие из центра города в район своей дислокации на Пензе-III. Видна труба общественной бани, располагавшейся на Козьем болоте (позднее — ул. Либерсона).

Газета «Известия Симбирского Совета»,
Симбирск (Ульяновск), 19-20 июня 1918 г.

Ф.Т. Магин

ЧЕХО-СЛОВАКИ

(Доклад Симбирскому губернскому исполнительному комитету на заседании 15 июня о поездке в город Пензу)

Товарищи, в настоящее время, самое мучительное время, возвратившись из поездки в г. Пензу, мне хочется доложить о ней, о тех событиях, которые произошли там, о тех впечатлениях и переживаниях, которые пришлось испытать как лично, так и целой массой, в которой я находился. Сообщу для сведения по возможности кратко, стараясь не обременять вашего внимания.

На пути в Пензу

В ночь с 28-го на 29-е мая я с отрядом 3-го Интернационала и командой пулеметчиков при двух пулеметах «Кольта», в составе 86 человек, явился в гор. Пензу, с некоторыми принятыми в пути предосторожностями. По дороге ходили слухи, что вокзал Моск.-Каз жел. дор., на котором нам предстояло остановиться и разгрузиться, занят отрядами чехо-словаков. Центр Пензы с советом находится в их руках. Мы ехали и сожалели, что бои уже кончены и нам придется находиться в окрестностях города до прибытия сил Красной армии. Красноармейцы бранили начальника станции Инза за то, что он не обращал внимания ни на какие мои просьбы отправить с пассажирским поездом, отправить с товарным, и тем самым задержал нас на несколько часов в пути, которые были для наших товарищей, сражавшихся с чехо-словаками, очень дороги, ибо решалась судьба их жизней и судьба совета. Мы, следовательно, нужны были в боях, точно воздух умирающим. Бранили и рузаевского начальника станции за задержку на станции часов на 5, если не более.

Итак, мы ехали. В полутора верстах от Пензы, в темную, непроглядную ночь, при тихом и медленном движении поезда, остановились и выслали разведку. В разведку отправился я с членом исполкома моршанского совдепа. Моршанский отряд присоединился к нам на первой станции перед Пензой; в нем состояло не более 40 человек при трех пулеметах

«Максима». Спустя некоторое время, мы – разведчики – достигли станции; она была окутана темнотой, огни не горели, кругом царил непроглядная тьма. В сторону от станции – город, и он не горел огнями, спал во тьме непробудным сном. Стояла мертвая тишина, изредка рывками орудия, неся сильный и протяжный вой, орудия точно просыпались от сна и снова засыпали; переменами трещали пулеметы, щелкали пули. Шипение и вой снарядов невольно составляли нас задумываться. Мы шли, а мысли в голове роем вились, аппарат мыслительный работал усиленным темпом, рождая одну за одной мысли то ободряющие, то удручающие. Орудия стояли невдалеке от станции и метали к врагам со всей силой напряжения злобу и разрушение без всякой пощады. Это нам подсказало, что станция Моск.-Казан. жел. дор. находится в руках советских войск, в чем и убедились спустя несколько минут. После этого поезда был подтянут на станцию.

На станции

Мы разгрузились. На станции людей почти не было, можно было видеть только с винтовками дежурных, караульных и т.д. и тех слишком мало, с десяток не наберешь. Вся жизнь на станции была мертвой.

На пути к совету

На рассвете, приблизительно около 21/2 часов, в сопровождении провожатых, отряд отправился городом по Лекарской улице к зданию совета. Улицы были изрыты в окопы, в них ютились пулеметы. Пулеметы начинали все сильнее и сильнее трещать, все чаще и чаще, – бой завязывался, через нас летели и щелкали разрывные пули.

У совета

Кое-как мы добрались до здания совета. Уже было светло. Только что появились у здания совета и доложили о прибытии отряда, тот час же отряд получил задачу встать на позицию. Разумеется, все немедленно было исполнено.

Отряд на позиции

Сорок человек со мною отправились за город, на Попову гору, к арсеналу, заняли позицию, на которой были люди и других отрядов; другая часть отряда заняла Московскую ули-

цу, впоследствии Лекарскую и парк за городом; пулеметчики с пулеметами расположились на колокольне собора, стоящего немного вправо перед зданием совета.

В городе

Перед собором стоял ряд орудий различных калибров, до 6 дюймов включительно. Орудия беспрерывно громыхали, клубы дыма, столбы огня то и дело поднимались, артиллеристы купались в поту, пулеметчики работали вовсю. Думалось, что в мирной, тихой Пензе разразился ад, атмосфера накалялась до высшей степени, люди жались в безопасные места, крестьяне. В домах, под крышами домов, в удобных местечках, на реке Суре, возле мостов – везде стояли пулеметы и трещали. Шел жаркий бой. Казалось, что жизнь в Пензе, утопающая в зелени деревьев, совершенно замерла и действуют только одни лишь наши силы.

На позиции

Мы на позиции. Мне пришлось перебежками добраться до правого фланга цели, перебежал вправо все далее и далее. Когда находился от фланга в саженях 80-ти, в лесу, и отряд не был виден из-за леса, то я увидел, что и далее вправо нет нашей цепи – стало больно и обидно, что такое огромное упущение сделано. Я лег и задумался; в голове блуждали всевозможные мысли, самой назойливой и надоедливой была та, что чехо-словаки обязательно эту брешь используют в своих интересах, зайдут в тыл и станут нас бить. Так и случилось. Этот лесопарк прорезала широкая дорога; возле нее за деревом лежу я, смотрю вперед и по сторонам – заметил: дорогу перебегают чехо-словаки. Открыл стрельбу, много стрелял, а они все перебежали и перебежали и туда и сюда. Вправо от меня тоже не один раз показывались чехи, я открывал огонь, и они бежали. Отряд влево бешено дрался. Я известил цепь отряда, что чехи могут зайти в тыл и несколько человек смельчаков со мной решили занять эту позицию. Заняли. Чехо-словаки доняли нас: идут и идут к нам, бухают и бухают в нас. Дело серьезное; пока имеется возможность отделаться от разведчиков, пока идут с малыми силами, можно многое сделать для спасения отряда, но может придти время, ког-

да поздно уже будет, что и не отобьешься, тогда вся беда падет на нас и на отряд, который станут хлестать в затылок. На отряд наступали, шел горячий бой. Я быстрее, не теряя ни одной минуты, бросился с докладом к т. Кураеву, который руководил силами, довел до сведения о прорехе фронта, попросив отрядик человек в 40 и обещал прорвать фронт чехов возле дороги, отряда не получил, ибо людей не было, отправился на прежнюю позицию. Дорогой увидел людей бегущих, беспорядочно стреляющих, - это чехи, войдя во фланг через прореху, гнали наших. С большим трудом, идя вперед, подняв руку вверх, мне пришлось остановить цепи в парке. Все-таки чехо-словаки на некоторое время были остановлены пулеметным и ружейным огнем. Через несколько времени они собрали более силы и вновь повели наступление; мы начали отступать.

Отступление велось по всему фронту, а фронт вокруг всего города. В конце-концов чехо-словаки сжали нас в кольцо. В это время по небу текли черные тучи, и как из решета цедился частый крупный дождь. Операция кончилась.

Чехо-словаки грабят

Началось отступление частей с горы парка вниз, образовалась цепь отступающих разных отрядов; я был последним в цепи, отколовшись от своего отряда. Спустившись к подножию горы, цепь протянулась понизу; некоторые тащили за собой пулеметы; раздавалась пальба по цепи со стороны чехов, цепь бросилась вперед, оставив один пулемет на дороге, я остался за забором двора, выжидал удобного момента забрать пулемет. Долго стоял. Наконец цепь чехо-словаков бросилась по направлению меня с криком «ура» в наступление. Мне удалось только припрятать винтовку за забор, револьвер и книжечку с удостоверением личности и более ничего; налетели наступающие чехи, как звери; часть их бросилась вперед по улице, часть побежала ко мне, тщательно обыскали и забрали портмоне с деньгами, ножичек и часы, часть быстро погнались вперед. Затем забрали меня и повели по улице; по пути собрали чехо-словаки отставших и повели за реку Пензу, на Урало-Рязанский вокзал.

Сдача оружия чешскими легионерами представителям советской власти. Май 1918 г.

Окопчики и боевые ячейки, отрытые легионерами на правом берегу реки Пензы близ вокзала Рязано-Уральской ж.д. (Пенза-III). На левом берегу видна труба бани на Козьем болоте. Фото — июнь 1918 г.

Жертвы майских событий в Пензе. Кто они — погибшие защитники советской власти или те, кто был казнен легионерами как изменник? Гражданская война еще не началась, а кровь, похоже, уже ударяет в голову: посмотрите на позирующего солдата революции слева.

Нас ведут

Мы пленные. Нас, целую группу, ведут по улицам. Впереди – один чех-конвоир, по бокам – по 2 и сзади – 2. Многим на плечи навалили тяжести, которые несли до станции. На меня голодного, измученного бессонницей, боями, суетой, на мои плечи были взвалены два пулеметных ящика с патронами, связанные веревкой. Я еле еле тащился, ноги подкашивались, а конвоиры покрикивали: «Иди, не останавливайся. Стрелять умеешь... замучился». Не лучше меня плелись и другие с тяжестями. За замедление шага били прикладами винтовок.

Буржуазия мстит

Мы брели. На крыльце зданий выступала из домов буржуазия: все кулаки, все спекулянты ехидно улыбались; невежество, контрреволюционная сволочь, видя силу чешских штыков, настолько чувствовала себя свободной и настолько выявила себя наглой, что стоя на крыльцах, строила глазки, улыбки, от восторга кивала головой, бросала букеты цветов победителям и имела такую смелость, что открыто кричала: «Расстреляйте их!». Не приходилось бросать в ответ крылатые словечки, но в душе кипела злоба и злостный взгляд то одного, то другого красноармейца, изредка, чтоб поразить противника, обращался в ту сторону. Боль чувствовалась в сердце каждого пленника. Чаша горечи постепенно наполнялась и наполнялась. Боль еще сильнее разрасталась, когда убогое невежество подходило и било красноармейца, и не было возможности дать сдачи. Были случаи, что от побоев ослепли некоторые. Буржуазия мстила, издевалась. Во время боя, когда робкие старались спрятаться в дома, буржуи находили добычу и, как охотник, прячась за стенки, стреляли из окна. Тяжелая боль сдавливала грудь, когда видишь такие печальные картины глазами! Смерть наших товарищей по оружию – пусть будет и смертью для буржуазии! Она желает этого. Этот буржуазный гад, выкормленный и выхолненный на поту и крови бедняка, заискивающий и пригревающийся к груди советам, лъстя и заверяя о своей солидарности с советами, пожимая руку, как змея, пораженная в голову, лишь тихо шипела (так было в спокойное время). Пришло время волнений, бурь – удобный момент для добычи, и мерзкий гад зашеве-

лился, поднял голову, разинул пасть крокодила-тунеядца, оскалил зубы, грозя сожрать, сесть на шею бедняка и пить кровь из голи перекаточной. Он выполз из-под рубахи, показал свою уродливую физиономию, увидел, что крепко еще держится голь на местах, сделал кислую рожицу, спрятался и замолчал. Этот гад волновался, кричал, собирался на заседаниях и решал вопрос: встать или не встать у руля правления над народом, губернией и решил: не встать, ибо не время, власть пролетария крепко еще держится всюду. Буржуазия не взяла власть в свои руки в Пензе, не создала, но думала создать земство, городское самоуправление, и теперь из головы эти думы не выходят – надеется взять, оставаясь на выжидательной позиции. Всем вышесказанным она довольно ясно и определенно дала понять, что в настоящий момент, когда еще власть находится в руках пролетариата и беднейшего крестьянства, прямой, неотложной, самой насущной задачей советов является следующее: выбить из головы всех трутней-тунеядцев всякую надежду на какое-либо возвращение к старому режиму. Это отчетливо выразилось в горьком опыте, который приходится порой расхлебывать. Происходящие события настоятельно требуют от советов объявить всем паразитам войну, всем фабрикантам, заводчикам, купцам, спекулянтам, кулакам-мародерам, и бить, уничтожая их без всякой пощады. И если мы пощадим, то тем самым подпишем своей рукой для себя и всей революции смертный приговор: ибо мы погубим, а они не погибают. Буржуазия это выявила на деле, а не на словах. Она очень «тактична» и последовательна, действует по стопам «Христа» и помнит притчу о плевелах, где предлагается с корнем уничтожить «плевелы». Буржуазия, нанимая отброс человечества, бьет нас и наших товарищей-революционеров и этим самым заставляет и нас прибегать к подобным мерам.

Мы, из «уважения» к ней, должны пойти навстречу «желаниям», – пусть смерть товарищей-революционеров, погибших вдали от нас, на пензенских позициях, в боях против контрреволюционных банд наемников, послужит сигналом открытия войны с буржуазией и началом смерти её. Своими делами буржуазия заслуживает чести быть расстрелянной. Все спекулянты,

кулаки, контрреволюционеры беспощадно должны нами уничтожаться! Пусть содрогаются! Пусть видит и дивуется буржуазия и кулачье голи перекаточной – пролетариату, крестьянской бедности, их диктатуре, их могучей воле и силе, иного отношения буржуазия не заслуживает.

Буржуазия действовала в контакте с контрреволюционными бандами чехо-словаков, показывала расположение наших пулеметов. Я более чем уверен, что она и опять так будет в таких моментах борьбы с бандами действовать. Она их наняла, ибо она, как хищный зверь, хотела крови, хотели пить пролетарскую кровь, и испила, а после пиршества приветствовала победителей. Как же их не расстреливать?

У гнезда контр-революционеров

Мы шли и шли. У каждого из нас зелеными огоньками в глазах ярко светилась злоба – она долго не могла погаснуть... Наконец мы остановились, нас привели в контрреволюционное гнездо, станцию Р.У.Ж.Д. за р. Пензой, постановили в четыре шеренги. Кругом стояла толпа кулаков, спекулянтов, которые, как фарисеи над Христом у Пилата, ядовито надругались над нами: плевали многим в глаза, били по щекам, смеялись, кричали: расстреляйте! Расстреляйте! Но не все были такие, были и другого калибра люди, которые стояли горой за нас, стараясь отстоять. Получилось какое-то необъяснимое впечатление: делается что-то невыносимое и, вместе с тем, подлое и звериное.

В гнезде контр-революционеров

Нас привели конвоиры в гнездо контрреволюционеров, которое было набито людьми в старых шинелях, выстроили в четыре ряда. Чехо-словаков, мадьяров и немцев они вызвали, отделили от нас великороссов. Начался обыск, но ни у кого ничего уже не нашли. Все стояли измученные, обессиленные голодом, боями, бледные, во рту и горле у многих пересохло, просили дать попить – не дали, хотя рядом находился кран, из которого текла вода. Я попросил крошку хлеба у чеха, в руках которого был хлеб, зная, что не даст; просил исключительно только для того, чтобы проверить; мое понимание о чехах оказалось справедливым – не дали, обратились крайне грубо, не по-человечески. Маска сорвалась, в моем сознании

ясно выяснилась подлая душа... Здесь многие из красноармейцев задавали конвоирам различные вопросы, так, например: «Для чего отделили от нас чехов, мадьяр, немцев? Разве они не то, что мы? Что хотите с ними и с нами делать?» – задавалось много других вопросов, не стану передавать. Интересные ответы на некоторые из этих вопросов давались: в большинстве своем в них утверждалось, что чехи, мадьяры и т.д. будут расстреляны, казнены, с нами разберутся и сделают все, что захотят. Каждый красноармеец к этому прислушивался; многие волновались, были и такие, которые спокойно, тихо говорили: «убьют, так убьют – все равно».

В этом гнезде нас было около 120 человек, собранных из разных отрядов по разным закоулкам и улицам и ранее пришедших около 200 человек. На глаза попадались пленные из интернационалистов моего отряда, но очень мало, всего человека три или четыре, не более, фамилии их не знаю. Возле меня стоял чех-интернационалист, его от меня взяли и, мне думается, расстреляли, более его я ни одного раза не встречал, как в плену, так и после плена и о судьбе его никто из товарищей не знает.

Всех нас пересчитали и отправили далеко за город, через реку Суру, к лесу, в барак С.В. жел. дор., разъезд № 40, под арест.

Под арестом

Нас посадили в барак – всех 120 человек; в бараке еще находилось человек 200. Он нагружался красноармейцами так, что яблоку негде было упасть. Спать приходилось чуть друг не на дружке; так спали в ночь на 30 и 31 мая. Воздух был сгущен, упадок сил. В бараке одна дверь, возле ее дежурили часовые-караульные; сторожили нас. Выходить не давали, держали чуть не взаперти, морили голодом, не давали пить. 30 мая обещали дать хлеба по полфунтику и супу, но не дали. В этот день к немногим красноармейцам г. Пензы приходили родственники и приносили что-либо из съестного. Все набрасывались с просьбами дать кроху, чтобы немного поддержать жизнь, лишь бы душу перевести. Очень радостно было видеть в момент голодовки выручку.

Кое-как перенесли 30 мая. Я чувствовал полнейшую тяжесть, я старался лежать и лежал. В голове, с посоловевшими глазами, зрела мысль

Красногвардеец, убитый в бою, на улице Пензы. Фото 28–31.05.1918 г.

Похороны «красного» чеха Франца Кулганека, убитого контрреволюционной толпой в июне при защите водочного завода в Нижнем Ломове. У гроба – командир отряда Красной Армии В.А. Брундасов (с повязкой на руке). Фото – июнь 1918 г.

Похороны павших в боях защитников города были многочисленны и торжественны. Хоронили как жертв мятежников, как павших героев, хотя зачастую трудно было сказать, от чего погиб человек. От осколка снаряда? Но у чехов орудий не было. Или от шальных пуль, летящих во всех направлениях? У поэта Анатолия Мариенгофа от одной из таких пуль на Казанской улице погиб отец... И какая для него была разница, чья она – своя или чужая. Фото нач. июня 1918 г.

о победе и не только у меня, а у многих; слышались возгласы негодования, собирались кучки, велись секретные разговоры о победе. Распространялись слухи, что тот ушел, другой ушел и т.д. Терпение постоянно лопалось. Невольно приходилось подходить к часовым и говорить: «Мы мучаемся в голоде. Вы видите этот голод, наши страдания и издеваются. Зачем? Для чего морите голодом? Мы ведь братья. Разве вы не то же, что и мы. Для чего льете кровь? Вы победили – нас было немного. Кровь пролита, прольется и еще, и все через вас, ваша затая. Если не хотите крови, сдайтесь. Вы кладете головы за буржуазию, - это, значит, против нас, рабочих и крестьян. Что делаете? Разве не видите, как буржуазия хотела нас растерзать? Она чувствовала опору в вас. Непростительно». Некоторые слушали и молчали, другие протестовали. Они, подобно выдрессированных животных палочной дисциплиной контр-революционных офицеров, движимые энергией, которая называется на языке инстинктов, нисколько не отдавали себе отчета в своих делах. И действительно, от них ничего, кроме отрицания, невозможно было ожидать, как от заведенных ранее автоматов. Красноармейцы спрашивали и о причинах, побудивших их двинуться на восток. Чехи отвечали, что нужно во Францию пробраться и воевать с Германией и Австрией. Когда же им говорили, что мы вас не хотим держать – поезжайте, куда желательнее, по мере возможности, только оружие сдайте, а то, вас обманутых, как это уже было, присоединят к контр-революционным бандитам Семенова и Дутова, и вы с оружием в руках пойдете обрабатывать нас, гасить революцию, что уже и началось от вас тем, что города голодают, вы своим движением закупориваете железнодорожный путь, останавливаете движение продовольственных поездов и тем самым вызываете полный голод, голодную смерть, бурю негодований, волнения против советской власти. Так делаете вы, так желаете и того хочет ваше офицерство с нашей буржуазией, которая подбила на это вас, и которым вы продались и продали ваши головы. Ведь, Франция не нуждается в оружии, она нам присылала его, а вы лезете к ней с оружием, от нас отбирая последнее.

Так говорили конвоирам-чехословакам; они, как глупые, не разбираясь ни в чем, только помалкивали.

В победе

Наконец терпение лопнуло. Рано утром, часа в три приблизительно, 31-го мая, я с 3 товарищами по аресту решил бежать, и мы бежали. Мы были не замечены, бежали быстро, без оглядки.

Усталость, которая давила до этого и слабость, тяготившая, улетели в сторону. Бежали в лес, через ручей, через плотину на фабрику, через мост леском к вокзалу и в город. Город жил, суетился, как в обеденное время, как всегда, кое-где попадались похоронные процессии. Патрулей чехов, которые до этого утра кишели в городе, уже не было, остановить было некому, чувствовали себя свободными.

Шли к совету.

В совете

Пришли в совет; в нем ни одного члена совета не нашли, кроме служащего и трех лиц, пришедших туда, вероятно, тоже служащих. Они написали объявление, просят членов совета собраться на заседание 31-мая в 10 часов утра в здание совета. Одно из них, взяв прочитать, я приклеил на одной из улиц, ибо некому было расклеивать. На улицах попадались красноармейцы – их чехи, убегая, освободили, они шли к совету голодные, не найдя никого там, вооружались, грозя отомстить буржуазии разбоем и грабежами и т.д.

Они бежали

В этот день, т.е. 31 мая утром, чехословаки бежали, стараясь быть незамеченными. Поезд летел, как бы на помощь куда-то. Награвив в городе Пензе, нагрузив вагоны консервами, мукой, сахаром, обмундированием, вооружением и т.д., что должно быть выдано бедноте, голодающим и, отобрав у многих красноармейцев деньги, часы, пояса, шинели, они сытые и самодовольные, упоенные успехом, легкой добычей, умчались.

А буржуазия

Буржуазия нос повесила, ибо знала, что ей не по зубам рецепт преподнесут за проделки, так как день наступил.

Похороны

2-го мая были организованы похороны убитых борцов за революцию, за советскую власть, хоронили трогательно, но просто; много слез было пролито; многие плакали, как

жены или матери, провожая в бой своих детей, зная, что они более не вернутся, многие падали в обморок, некоторые плакали навзрыд. Не стану о том сильно распространяться, скажу только: Слава павшим борцам и вечная память. В бою наших товарищей погибло убитыми около 200 человек и до 300 человек ранеными. В нашем отряде: убитых 4, фамилии следующие: Майер Ф., Рошко Матеуш, Поль-Шандер и Банник Рудольф; раненых пулеметчиков 3: Анисов, Мангушев и Латыфов, и 20 человек «без вести пропавших». Следует выяснить, сколько убитых из группы без вести пропавших и, если найдутся такие, которые бежали домой, чтобы спасти свою жизнь, забывая защиту революции, их необходимо предать военно-революционному суду.

О Красной армии

Не стану много говорить о Красной армии, скажу только о ее боеспособности и то коротко. Судите сами о ней.

Армия была мала – всего около 1500 бойцов, а чехо-словаков 10000, т.е. в 6 раз более. Мы понесли потери убитыми около 200 человек и ранеными около 300 человек, и расстрелянными в плену чехо-словаков, мадьяр, немцев около 200 человек, это приблизительно, точных данных невозможно было получить; из строя чехо-словаков, как они сообщали, выбыло убитыми и ранеными от 1500 до 2000 человек. Они вели наступление, мы оборонялись; они засыпали нас разрывными пулями как спереди, так и с тылу, проходя через прорехи фронта. Мы стойко держались; особенно из всех отрядов по стойкости и мужеству выделился наш отряд 3-го интернационала под командой тов. Зильвендер; из нашего отряда выделились своей стойкостью пулеметчики, которые более половины из 12 убиты, как надо полагать, и трое ранены. Они не сдавались, даже когда чехо-словаки захватили здание совета и вели пленных, находились на колокольне собора и строчили из пулеметов. Наш отряд, хотя и малый, всего только 86 человек, понес большие потери в сравнении с другими отрядами. У нас убитых, как я уже сообщал – 4, раненых – 3 и без вести пропавших – 20 человек. Из этих 20 человек, нужно думать, много убитых, так как много трупов невозможно было опознать вследствие искалеченности, обезоб-

раженности. Можно сказать, что мы можем гордиться нашим отрядом, такой прочной опорой, какую он оказал для советской власти, и необходимо исполнительному комитету выразить товарищам этого отряда за стойкость и мужество благодарность.

Лапотники за совет

В Пензе имеются комитеты различных партий – народных социалистов; правых социалистов-революционеров, меньшевиков социал-демократов и других крайних. Ни одна из этих перечисленных партий не была призвана на защиту революции – все они были глухи для пролетариата и беднейшего крестьянства и тем уже самым показали свою солидарность с чехо-словаками. Коммунисты, левые социалисты-революционеры были вооруженными и дрались. Об этом говорит то, что председатель комитета партии с.-р. убит, убитые есть и из коммунистов. Операция кончилась. Совет пал от ударов подлецов. До сел и деревень дошли о том вести; в город потянулись бедняки-крестьяне на защиту. Я видел в строю красноармейцев, проходивших по городу в оборванных лаптях, с винтовками на плечах.

Они шли стройно, на лицах проглядывала грусть за павший совет. Их было немало; они прибыли и за 30, и 40 верст от Пензы.

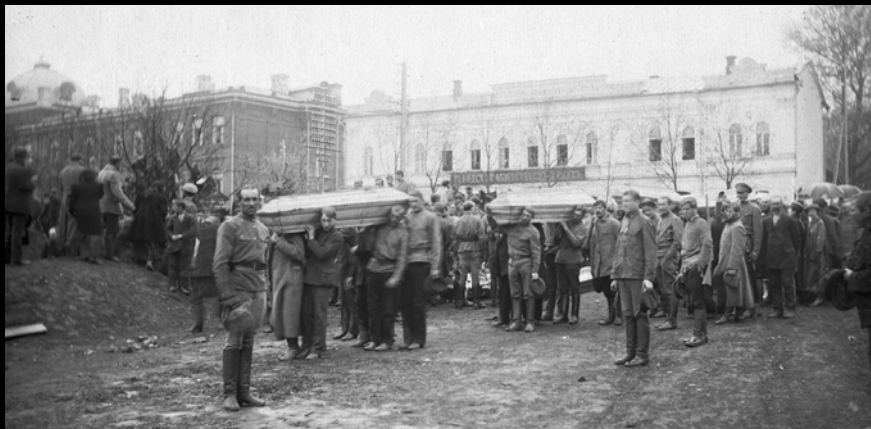
Военно-революционный комитет

Чехо-словаки убежали, при совете образовался военно-революционный комитет, который стал руководить всеми вооруженными силами, как находящимися постоянно в городе, так и прибывающими. По городу было расклеено постановление от этого комитета об обязательной сдаче оружия населением. С раннего утра 3-го июня начались обыски по городу. Масса найдена винтовок, бомб, револьверов, шашек (даже отобраны пулеметы и различные вещи обмундирования), муки, овса и т.д. Пошли аресты. Что станут делать с послушниками – не знаю. Известно только, что в том совете народные работники слишком мягкотелы, потому и ожидать от них многого не приходилось.

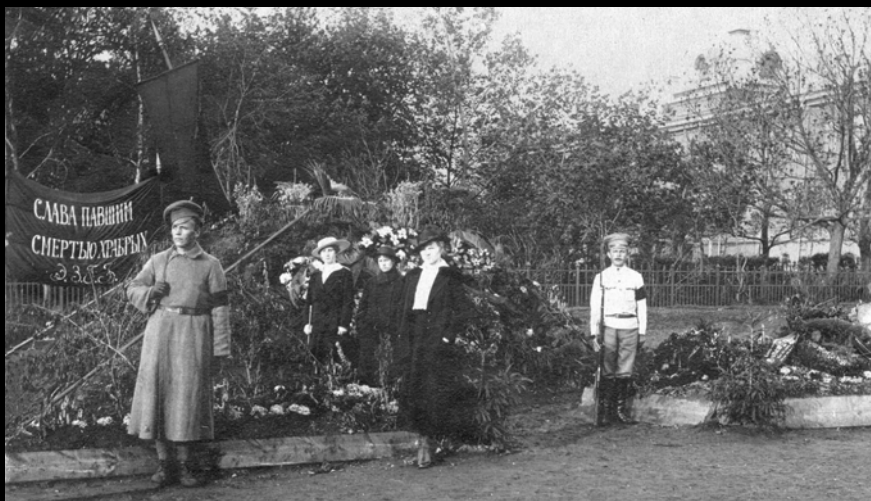
О совете

Скажу кратко и о совете, разумеется, не в суд и не в осуждение.

Бои кончились; жизнь, суeta в городе Пензы возобновилась, – все за-

День похорон горожан, погибших во время мятежа чехословацкого корпуса легионеров, был объявлен в Пензе днем траура. Войска и мирные жители собрались на Соборной площади, где повыше кафедрального собора были вырыты братские могилы. Сейчас это место находится на территории Лермонтовского сквера. Фото 2.06.1918 г.

На этой фотографии четко видна металлическая изгородь Городского сквера. Могилы располагались изначально на самой площади. Только после сноса собора и расширения сквера некрополь с памятником окажутся в нем. А еще интересны здесь эти позирующие дамочки, ну, точно из бывших...

Александр Еремеевич Минкин, председатель губсовета, стоя прямо на могиле, поклялся от лица горожан отомстить врагам за смерть товарищей. Поскольку никто гнаться за легионерами не собирався, можно догадаться, что мстить будут всем, кто попадет под руку. Вот уж действительно гражданская война... Фото 2.06.1918 г.

кипело. Всматриваясь в жизнь города, я увидел, что революция его очень мало коснулась. Социализация жилищ не проведена, плата самая бешеная, торговля домами идет, имеются вывески: «этот дом продается и т.д.». Царит самая беспощадная спекуляция, и борьба с ней совершенно ничтожная. Пензенскому совету революция, как неразумному сыну – богатство, не впрок: далек он, очень далек от революции. Буржуазия там сильна и крепка, крылья нисколько не обрублены советом, потому она контрреволюционна, потому, находясь в организации с контрреволюционными бандами чехо-словаков и подготавливая выступление их, оказывала всевозможные задержки и сделала много вреда. Совет спал. Я боюсь, что и теперь спит. Еще раз подтверждаю, что шаги совета слишком малы и слабы. Он до сих пор не нанес удар в голову буржуазии, даже части ее; она ничуть не ранена. В настоящее время революция должна перейти в другой фронт борьбы, – это борьба против сельской и деревенской буржуазии, кулаков, всех деревенских спекулянтов, не забывая и городской. Так должно быть у нас в Симбирской губернии, не так будет здесь, в Пензенской губернии.

В городе Пензе буржуазия выставила острые зубы. Такое впечатление я вынес, находясь в Пензе. И совет, якобы, чувствуя силу зубастой буржуазии, боясь бить ее в глаза, отступился, отступился от наложения на нее беспощадной контрибуции, всевозможных налогов. Частная торговля в полном расцвете, и борьба с ней, опять же, не видна. И на долю этого бездействующего совета выпала большая честь померяться с чехо-словацкими бандами. Что можно было ожидать? Разумеется, провал Красной армии, полнейшей неуспех в боях и крушение совета. Так и случилось; об этом я заявлял распорядителю отрядов, гражданину Кураеву; он мало обратил на это внимания, думая, «что без тебя мол, в том отлично смыслом». Впоследствии в процессе боя я убедился, что он действительно не на высоте своего положения был. Разгром совета случился, понятно, при помощи буржуазии, той, волю которой оставляли неприкосновенной. Наивные члены совета, – неужели все еще станут настолько наивны, что будут думать, что надо агитировать и агитировать и только в том одном обретешь спасение, а ведь от слабой агитации и постигло несчастье? Они, по-видимому, не уясняют, а если уяс-

няют, то не понимают сущности борьбы с буржуазией.

Этим непониманием сущности борьбы они во многом ослабили наши силы. Вероятно, они не поняли своей важной ответственности.

Совет должен твердо, ясно и определенно сказать: если вы еще пытаетесь в удобную минуту нас удушить, то вам иной участи, кроме расстрела, не может быть, «нечего метать бисера перед свиньями, ибо попрано будет ногами».

«Время слов прошло, позвольте к расчету».

Пусть штыки Красной армии скажут: «Вам, тунеядцы, пришел конец. Более вы не производите контр-революцию!». Заканчивая свой доклад, эту «эпопею» ужасов, когда в классовой борьбе, вылившейся в столь ужасные формы, забываются все инстинкты и принципы человека-брата, когда темный-несознательный чех борется с чехом, которого вынесла революционная волна на высоту, да это горько и может быть иным покажется худшим той обывательской тишины, которая бывает все революции, да это ужасно – но эти ужасы, плоды капиталистического общества, от них избавиться мы сможем только социализмом.

Примечания:

Лекарская ул. – ул. Володарского
Попова гора – Боевая гора
Вокзал Сызрано-Вяземской ж. д. – вокзал Пенза-I
Вокзал Рязано-Уральской ж. д. – вокзал Пенза-III
Вокзал Московско-Казанской ж. д. – вокзал Пенза-IV

Выступление Председателя Революционного военного совета (РВС) Республики Льва Давидовича Троцкого на митинге в Пензе, после освобождения города от «белочехов». Фото – июнь 1918 г.

Третья годовщина событий «белочешского» мятежа в Пензе, как и все последующие, отмечалась как победа над врагами. Вообще-то город мы все-таки сдали, хоть и с боем. После чего Кураев со товарищи бежал Арбековским лесом аж до разъезда Арбеково, а оттуда – до нынешней станции Белинская. Последний чешский эшелон ушел из Пензы рано утром 31 мая, а представители советской власти (из тех, кто оставался в городе) только днем 1 июня с удивлением узнали, что город свободен. Однако это обстоятельство потом не помешало долгое время писать и рассказывать, как отстояли город и обратили подлых чехов в паническое бегство. На Соборной площади над могилой героев нового времени соорудили, по типу московского мавзолея, трибуну. А в 1928 г. на этом месте установили памятник Борцам революции, стоящий там и поныне.

МИЛАЯ РОЩА МАТРЕНЫ СМИРНОВОЙ

Вячеслав КАРПОВ

Книга, я с тобою
ночи коротаю...

В 2018 году исполняется 105 лет со дня рождения Матрены Платоновны Смирновой, знаменитой поэтессы, прославившей свою малую родину и Пензенский край в стихах и песнях.

Память о Матрене Платоновне это не только песни на ее душевные стихи, но и большое литературное наследие (во многом нам не известное), волею судьбы разбросанное по разным местам – у родственников, в архиве пензенской областной газеты, у многочисленных поклонников ее таланта. А какая-то часть была уничтожена пожаром, случившимся в доме поэтессы уже после ее кончины. В 45-и километрах от Пензы есть село Русский Ишим. Здесь 21 ноября 1913 году родилась и постоянно жила пензенская поэтесса Матрена Платоновна Смирнова, простая русская женщина, с детства привыкшая к крестьянскому труду. Матрена была вторым ребенком в семье Платона Васильевича и Пелагеи Ивановны Ховриных.

Природа одарила ее различными талантами, дала красивую внешность. У нее были иссиня-черные волосы, серо-голубые глаза, соболиные черные брови, правильные черты лица. Она хорошо вышивала, шила, обладала сильным красивым голосом. С двенадцати лет начала работать, как взрослые: жала, молотила, пряла. Мать хотела назвать её Анной, но сельский священник был против, т. к. по святам значилось имя Матрёна. Ни уговоры, ни плач матери с бабушкой не помогли. Известно, что в молодости поэтесса

стеснялась своего имени, лишь став бабушкой, смирилась с ним. В семье многие дети выучились, получили образование. Брат, Николай Платонович, окончил Академию имени Жуковского, автор книг по военной тематике. Сестра, Мария Платоновна, после окончания института работала учителем русского языка. Но так уж получилось, что самая одаренная – Матрёна Платоновна – не смогла получить образования. А душа её рвалась к поэзии, она писала простые, но душевные стихи, которые проникали в самое сердце. Матрена много читала, особо выделяя Маяковского, Есенина, Достоевского, Пушкина, Баратынского, Кольцова. А Лермонтова – просто боготворила. У них и тематика схожая: Родина, природа родного края. Все образование М. Смирновой составило три класса начальной школы, и всю жизнь она не уставала повторять, что, всему, что знает, обязана книгам.

*Книга, я с тобою
Ночи коротаю
С радостью и болью
Жемчуг слов глотаю...!*

Матрена Смирнова, «Книга – друг мой»

Окончив в 17 лет двухмесячные учительские курсы, Матрена три года проработала в сельской школе. Несмотря на скромный педагогический опыт, она глубоко и верно понимала роль учителя: «... учитель должен все уметь, и учитель не тот, кто учит, а у кого учатся, а школа это не только то место, где учат читать и писать».

Матрена вышла замуж рано – ещё 17 лет не было, поступив наперекор родителям. На свадьбе никого

Разутой, раздетой, голодной
Ходила Россия века,
Считал ее варварской Лондон
Глядел Вашингтон свысока...

Матрена Смирнова,
«Мы любим родную Россию»,
1963 год

Смирнова (Ховрина) Матрёна Платоновна

из родных не было, примирение произошло лишь с рождением у молодой семьи сына Валентина. Затем родился ещё Юрий. Муж Матрёны – Анатолий Александрович Смирнов – был первым директором школы в Русском Ишиме, преподавал математику, имел высшее образование. Он сумел разглядеть в необразованной крестьянке таланты, отличавшие её от остальных сельских девушек.

Казалось, жизнь наладилась – Матрена и Анатолий вместе работали в школе, в семье впервые появился достаток, но началась война. В марте 1942 года мужа забрали в армию, а уже с октября 1942 года Анатолий Смирнов числился пропавшим без вести. По действовавшему законодательству, пенсия за без вести пропавших не полагалась. Впоследствии было установлено, что он погиб в 1943 году под Сталинградом.

Памяти А. Смирнова

*Дуют холодные ветры.
Грустные песни поют.
Сыплет березонька где-то
Лист на могилу твою.
Пулей сраженный фашистской,
В землю навеки ты лег.
Самый родной, самый близкий.
Как же сейчас ты далек.*

Одна растила сыновей. Времена были тяжёлые. Чтобы прокормить детей устроилась продавцом в сельский магазин, а по ночам писала стихи и рассказы. Ее не понимали даже в собственной семье. Надо работать на огороде, в поле,

Матрена Платоновна с мужем Анатолием Александровичем Смирновым

а она ночью пишет – какой из нее после этого работник? Устроилась продавцом в сельском магазине. Это с её-то поэтической душой! С её чистой совестью! Она не умела хитрить и обманывать, случилась недостача. Но самое страшное – свели за долги со двора кормилицу семьи корову. И никто не помог Матрёне Платоновне, ни один человек не откликнулся на её горе. Равнодушие односельчан вызывало в ней почти физическую боль. Эту боль она начала заглушать алкоголем.

Без вести пропавший

*...За павших, без вести пропавших
Мы пили молча, шла война.
Тянулись губы к горькой чаше,
А чаша все была полна.
Когда же, наконец, прольется
Она по мураве-траве?
Не удивляйтесь, коль уснетца
В тихий час вдове.*

Из неопубликованного, 1960 гг.

Для односельчан она была такая же, как все, они ровняли её с собой, не признавали её таланта, не замечали её доброй, чистой и такой ранимой души. Нелегка доля творческого человека в России. Творчество нередко становилось для них спасением, может, даже бегством от окружающей действительности. Источником вдохновения для М. Смирновой стали Родина, природа, люди. В 1964 г. ее приняли в члены Союза писателей СССР. Приглашали в Москву (даже давали квартиру) и на Кавказ на постоянное место жительства, но

она любила свое село, говорила, что «...Кавказ и Пушкин, и Лермонтов воспели, а Ишим, кроме меня воспеть некому».

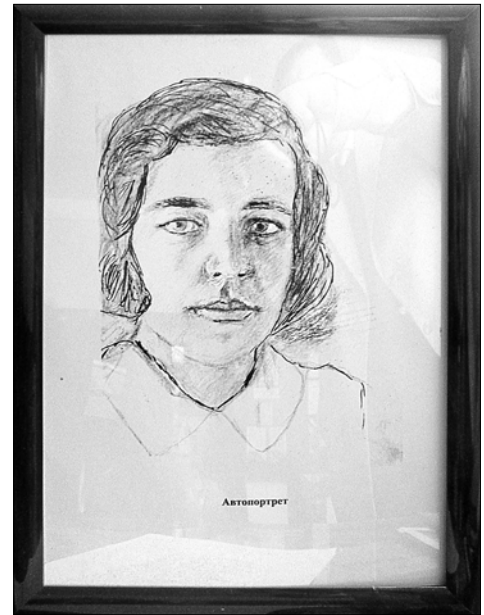
Первые стихи Матрёны Смирновой, правда, еще совсем слабые, были напечатаны в 1929 году в стенной газете двухмесячных учительских курсов. И эти стихи, и стихи военной поры почти не сохранились. А первая книга стихов «У нас в селе» вышла в 1952 году. Стихи Матрёны Смирновой сразу нашли путь к сердцам читателей, понравились своей простотой, музыкальностью и лиричностью. Для произведений пензенской поэтессы находят место на своих страницах газеты «Правда», «Сельская жизнь», журнал «Крестьянка», альманах «Земля родная». Отдельными изданиями выходят: поэма «Орловы» (1957), книги для детей – «Стихи для маленьких», «Водовоз», «Таня-неумелочка» (1959), «Чудесная корзинка» (1962), а также поэтические сборники – «Деревенские вечера», «Калина», «Милая роща».

Последний, прижизненный, сборник М. Смирновой, изданный в Саратове в 1979 году, назывался просто – «Наша сторона». После выходило еще два.

Одними из первых стихотворений Матрены Смирновой, появившихся в пензенских областных и районных газетах в 1951 год, были: «Просьба к Ф.И. Самарину», «Русский язык», «Край любимый», «Мои стихи», «Скажи мне реченька», «Паренек застенчивый». Последнее, на мой взгляд, автобиографично.

Рабочий стол Матрены Платоновны Смирновой

Автопортрет

Паренек застенчивый

*Есть в селе застенчивый
Славный паренек,
В сердце моем девичьем
Огонек зажег.
В думах тропкой белую
Все к нему бегу,
Но нигде несмелого
Встретить не могу.
Встану поздно вечером
У своих ворот,
Может быть, застенчивый
В темноте придет!
На лицо горячее падает снежок,
Ярче разгорается
В сердце огонек.
А в душе томление,
С сердцем сладу нет,
Не сидится дома мне
В восемнадцать лет.
Кружатся снежиночки,
Звезды далеки,
Ходят по тропиночке
Чьи-то женихи.*

1951 г.

Как рождаются песни

Октябрь Васильевич Гришин познакомился с творчеством пензенских поэтов и выбрал тех, чьи стихи отзывались в его душе мелодиями: Александру Анисимову, Бориса Куликовского, Владимира Застрожного, Матрену Смирнову. Как утверждает официальная историография, в творческом содружестве пензенского поэта Владимира Застрожного и композитора Октября Гришина в 1959 году была написана песня «18 лет».

«Помню, что именно «Восемнадцать лет» О. В. Гришин не хотел включать в московскую программу, – вспоминает Юрий Кривошеев, писатель и один из артистов первого состава хора Гришина. – В Пензе во время общественного просмотра песню приняли сдержанно, без восторга, и товарищи с трудом уговорили нашего руководителя познакомиться москвичей с новой работой женской группы хора».

В Москве, в октябре 1961 года, после завершения XXII съезда партии, хор Октября Гришина участвовал в грандиозном концерте. Тогда-то «18 лет» и произвела фурор. Солистку хора Веру Аношину глава государства Никита Хрущев даже пригласил в свою ложу после исполнения. На хор Гришина свалилась неожиданная слава.

Восемнадцать лет

*За рекой за лесом
солнышко садится,
Что-то мне, подружки,
дома не сидится,
Сладкая истома, черемухи цвет,
Усидишь ли дома
в восемнадцать лет?*

1959 г.

А через два года в содружестве Матрены Смирновой и Октября Гришина была написана завовавшая всех песня «Милая роща».

Милая роща

«Милая роща» – конкретный уголок пензенской земли площадью 19 га на берегу реки Ишимки. После того, как её прославила сельская

поэтесса, руководство Пензенской области определило эту зону как заповедную и присвоило ей титул «Русско-Ишимская берёзовая роща имени М.П. Смирновой». Фраза «... вот она, милая роща...» родилась во время учебы на курсах в Городище. Сельские парни и девушки до Городище ходили пешком, роща находится как раз посередине пути. Эта фраза означала, что половина пройдена, с пригорка видно село. Но вернулась она к этому стихотворению спустя почти 30 лет, а окончательный текст сложился после женитьбы сыновей и рождения в 1956 году внуки Галины.

В 1961 году Смирнова отправила переписанное от руки на листе школьной тетради стихотворение (называвшееся тогда «Край мой единственный в мире») в газету. Опубликованное стихотворение заметил Гришин, и оно стало знаменитой «Милой рощей». Под таким названием оно вошло в 1963 году в книгу «Калина», выпущенную Пензенским книжным издательством. Но всенародную известность этой песне принес журнал «Крестьянка», в сентябрьском номере которого за 1964 год она была напечатана вместе с нотами и фотографией трех берез. По мнению Т.А. Грунцевой, преподавателя литературы в школе на родине Матрены Смирновой и исследователя творчества поэтессы, «Милая роща» – это песня-исповедь. Кстати, дорожка, о которой поется в песне, это реально существующая по сей день дорожка, идущая по склону холма...

*Вот она, милая роща...
Ветер шумит на до мной.
Ветки берёзок полощет,
Сон, нарушая лесной...
Хочется белым берёзкам
Низкий отвесить поклон,
Чтоб заслонили дорожку,
Ту, что ведёт под уклон.*

Вера Аношина стала первой исполнительницей этой песни на большой сцене. По воспоминаниям артистки, на концертах её приходилось петь по нескольку раз, на бис. Необходимо отметить, что отличные стихи таковыми бы и остались, если бы не самобытный талантливый композитор и организатор Октябрь Гришин. Люди, хорошо его знавшие, вспоминают, что в атмосфере, созданной Гришиным, плохой человек не приживался – не было почвы для склок, пошлости, потребительства, вранья. Гришин не терпел несправедливости. Как-то хору предложили гастрольное турне по Японии, но при этом поставили условие – сократить состав артистов со 110 до 30 человек. Гришин от поездки отказался.

А через некоторое время «Милая роща» зазвучала в Японии в исполнении популярнейшего дуэта сестер Ито. Сегодня в сборниках можно найти пять песен, созданных О.В. Гришиным в содружестве с М.П. Смирновой: «Солдатская мать», «Расцвела черемуха», «Милая роща», «Ты не знаешь мама...», «Ты взойди заря» (мелодия создана творческой группой хора Октября Гришина). Песня «Солдатская мать» в исполнении хора Гришина потрясла меня. Это – поистине гимн всех Матерей, обоженных войной.

Солдатская мать

*Поседела с горя ты до срока
В год тяжёлый,
 сорок третий, мать.
Сын остался далеко-далеко,
Ты его не перестала ждать...*

А всего, больше тридцати стихотворений Матрены Смирновой стали песнями. Но, несмотря на всеобщую известность, жила она очень бедно и одиноко. В переписке с сестрой она сетует на одиночество: «...Черт знает, какую нелепую жизнь я веду... мотаюсь, словно былинка в поле, ни от каких невзгод не защищена». Говорят, Матрена Платоновна очень любила Есенина, видимо, чувствуя в нем родственную душу, а дома у нее, как и сегодня

Матрена Смирнова со школьниками

в литературной гостиной школы села Русский Ишим, на рабочем столе стоял и стоит бюстик поэта.

Да сохранятся в Милой роще навеки восемнадцать лет

Так написал пензенский поэт Лев Зефилов, автор стихов пензенского вальса на музыку Октября Гришина. В 1981 году композитор и поэтесса ушли из жизни. И памятники на могилах, работы разных скульпторов, у них похожие – раскрытые книги: на погосте М. Смирновой в селе Русский Ишим и на захоронении О. Гришина в Пензе, на Новозападном кладбище.

Судьба поэта в России всегда нелегка, а судьба женщины-поэта – вдвойне. Не стало прекрасно-

го, талантливого, необыкновенно одарённого человека, поэтессы, всю свою жизнь воспевавшей красоту нашего края, любившей всем сердцем эту землю и живущих на ней людей, хотя они были и глухи к её тяжёлой судьбе. Ушла Матрена Смирнова «под уклон» 29 ноября 1981 года, не дожив двух лет до семидесяти. Любимая внучка Матрёны Платоновны, безвременно ушедшая Галина Смирнова-Трубина, подхватила эстафету её поэтического творчества, стихи её также душевны и проникновенны.

Добрый след

В честь столетия

*Матрены Смирновой
Даже ветер осенний поет,
А весной в милой роще зеленой
Все малиной алеет восход.*

В этом году исполняется 105 лет со дня рождения Матрены Смирновой, замечательной русской поэтессы, чье творчество сегодня по-прежнему любимо, потому что отражает вечные ценности: доброту, любовь к Отчизне, восхищение красотой родного края. И в честь этого события надо хотя бы начать проект обустройства ее дома-музея. Ведь еще в 2002 году выходило постановление Минкультуры Пензенской области об открытии музея имени М.П. Смирновой к 90-летию со дня ее рождения.

В рамках мероприятий, приуроченных к 100-летию со дня рождения поэтессы, в 2013 году, на могиле Матрены Смирновой в селе Русский Ишим установлен новый надгробный памятник, выполненный в форме раскрытой книги. На одной половине памятника изображена сама Матрена Смирнова, а на второй высечены имена ее родителей. А на здании школы села Русский Ишим, на средства собранные педагогами, установлена мемориальная доска. Стало доброй традицией с 2011 года проводить на территории школы с. Русский Ишим «Смирновские чтения», посвященные памяти поэтессы, которые собирают почитателей ее творчества со всей области. Преподаватель русского языка и литературы Тамара Грунчева реализовала проект по созданию серии документальных фильмов на основе воспоминаний очевидцев, фото и видеодокументов о жизни и творчестве поэтессы. По инициативе Тамары Александровны открыта и «Смирновская тропа» в селе Русский Ишим, включенная в сборник экскурсионных маршрутов. Сборник «Березовые песни», изданный всем миром в Городищенском районе, давно уже стал библиографической редкостью. А сколько неопубликованных произведений, набросков, черновиков ждут своих исследователей!

Вообще, на малой родине Матрены Смирновой немало делается для сохранения памяти своей знаменитой землячки, для популяризации ее творчества. Неплохо бы, чтобы и областное руководство подключилось к этой, в высшей степени, нужной и полезной инициативе. Давайте не будем забывать, что без бережного сохранения прошлого, никогда не создать достойного будущего!

Надгробный памятник в селе Русский Ишим Городищенского района, установленный в 2013 году

АЛЕКСАНДР КРЫЛОВ:

О ЧЕМ УМОЛЧАЛ АВТОР СТАТЬИ «МИЛАЯ РОЩА МАТРЕНЫ СМИРНОВОЙ»

Автор статьи «Милая Роща Матрены Смирновой» Вячеслав Карпов проделал большую работу, внимательно изучил имеющиеся материалы и творческое наследие поэтессы. Однако он не затронул важную, на мой взгляд, тему, связанную с взаимоотношениями поэтессы и В.К. Застрожного, члена Союза писателей СССР, автора стихов к песне «18 лет». Дело в том, что до сих пор в творческой среде вопрос авторства песни «18 лет» остается дискуссионным. Понятно, что речь идет не об официально узаконенном авторстве, которое, насколько мне известно, никто еще не оспорил. Тем не менее, с точки зрения восстановления справедливости, этот вопрос лично мне представляется весьма важным.

Говоря о Матрене Платоновне Смирновой, мы, в первую очередь, должны сказать о ней, как о представителе великого русского народа. Народа, сформировавшего государство Российское. Поэтому Матрена Смирнова это не просто представитель населения Городищенского района Пензенской области, как о ней позволяют себе говорить, выступая по долгу службы, местные чиновники, а одна из немногих талантливых и одаренных природой представительниц той, очень небольшой части любого этноса, благодаря которой и создается национальная культура.

Поэтому талант Смирновой для нас особенно дорог, как подтверждение уникальности и силы русского духа.

Не будет преувеличением сказать, что поэтесса своим талантом смогла оставить глубокий след

в культуре русского народа, и не только русского. Что подтверждают многочисленные переводы её стихов и песен на многие языки народов мира.

Творчество Матрены Смирновой может рассматриваться на фоне самых знаменитых образцов национального поэтического и песенного жанра. Её жизнь и оставленное ею поэтическое наследие позволяют ещё раз напомнить всем, что русская нация – талантливая нация. В первые годы перестройки, после открытия границ, мне случилось побывать в Турции. И меня очень удивило, что молодежь там взахлеб читает переведенные на турецкий язык произведения русской классики. Мы же, являясь обладателями такого культурного наследия, все меньше читаем, перестаем интересоваться собственным прошлым, предпочитая пошлые сериалы и шоу, не дающие ничего ни уму, ни сердцу, ни душе.

Исследуя творчество Матрены Смирновой, быстро понимаешь, что не так-то проста ее творческая биография. И как бы мы сегодня ни старались восхвалить нашу землячку, воздать ей должное, недорого будет стоить наша хвала, если не сказать правду о той несправедливости, которую претерпела Матрена Платоновна. Самое же печальное, что справедливость до сих пор не восстановлена. Уходят из жизни свидетели и очевидцы, а оставшиеся опускают глаза и говорят: да что сейчас докажешь и надо ли это ей сейчас.

Надо! И сейчас больше, чем когда-либо. Последней каплей в понимании этой необходимости послужил фильм из проекта «Добро пожаловать в Пензенскую область!» под названием «Тут я

был счастлив». Сразу оговорюсь, что не имею претензий к профессиональному уровню фильма. Но почему автором сценария выступил сотрудник ГТРК «Пенза»? У нас, что, нет научных работников, профессионально занимающихся культурой и историей нашего края? И это уже вопрос к руководителю проекта, зампреда правительства О. Ягову. В фильме почему-то не нашлось места творчеству русской поэтессы, прославившей наш край – Матрены Платоновны Смирновой, хотя в г. Городище и в её родном селе Русский Ишим имеется богатейший материал о ней самой и ее творчестве. Вот, например, для музея лука, что в Бессоновке, место нашлось. Получается, что чиновники, руководящие культурой, либо недостаточно с ней знакомы, либо просто равнодушны к ней. А кто же тогда будет хранить исторические традиции, память о наших предках и знаменитых предшественниках?

Нельзя забывать, что «...для уничтожения нации, достаточно уничтожить ее национальную культуру! И тогда народ сам исчезнет, останется народонаселение, массы».

Полагаю, что сей плачевный факт с выпуском фильма ярко свидетельствует об истинном отношении властей к отечественной культуре вообще и отдельным ее представителям в частности.

Такое отношение родилось, увы, не сегодня. И в середине прошлого века представители русской творческой интеллигенции находились в зависимом положении от государства и его чиновников. Взять ту же М.П. Смирнову. Конечно, она уже ничего не подтвердит, но среди ее односельчан и по сей

день бродят упорные слухи о том, что текст песни «18 лет» написан ею. Но почему тогда официальным автором уже много лет считается В.К. Застрожного? Есть версия, что имела место некая сделка. Однако, высказывая сомнение, необходимо его обосновать.

Первое, что бросается в глаза – это практически полное сходство тем и выражений в сравнении как с более ранними, так и более поздними произведениями М.П. Смирновой.

Сразу же возникают аналогии, когда читаешь стихотворение М.П. Смирновой «Паренек застен-

чивый», написанное ею ещё в 1951 году, и стихотворение «18 лет» В.К. Застрожного, датированное 1959 годом. Лично для меня не вызывает сомнений, что «Паренёк застенчивый» это изначальный вариант стихотворения «18 лет». Там даже ритмический рисунок схожий. Да и стилистика «18 лет» невольно наводит на мысли о том, что авторство текста принадлежит женщине, а не взрослому мужчине, переживающему женские муки. Судите сами.

Второе. Отличительной особенностью творчества поэтессы является тема, почти всегда при-

сутствующая в её стихах, связанная с черемуховым цветом и её ароматом. Как рассказывали родственники поэтессы, цветы черемухи и их аромат были темой её особой любви и отношения. Поэтому неудивительно, что и в стихотворении «18 лет» мы также находим: «... Сладкая истома, Черемухи цвет».

И в-третьих, как бы подтверждая мысль об авторстве песни Матрены Платоновны, в её адрес направлялись поздравления и посвящения со стороны её коллег с определенным скрытым смыслом. Так пензенский поэт Лев Зефирин написал в своем стихотворении, объединяя тему песен: «Милая роща» и «18 лет»:

«Да сохраняются в Милой роще
Восемнадцать лет»

Тем самым он напомнил поэтессе, что все вокруг понимают истинную авторскую принадлежность стихов, названия которых упомянуты в этой строфе.

Очень любопытны в этой связи воспоминания, написанные к 100-летию поэтессы Матрёны Смирновой её внучкой Галиной Смирновой-Трубиной. Эти воспоминания были опубликованы в газете Городищенский вестник №28 (9779) от 10 апреля 2013 г.

«...В это время на имя отца придет письмо из Пензы от её «крестной матери на поприще поэзии» – Александры Петровны Анисимовой, в котором та сообщает, что бабушка Матрена попала в больницу с нервным расстройством и, что дела уже пошли на поправку (письмо сохранилось). Я помню хмурые, озабоченные лица родителей. Тогда из разговора я уловила следующее:

– Сама она не могла отдать,
– твердо говорил отец.

– Нет, конечно, – подтверждала мама, – приезжали, угощали и взяли рукописи. Она ведь меня знакомила с этим стихотворением, как сейчас помню.

– Мам, пап, что, у бабушки стихотворение стащило? – мне было тогда смешно, – да она ещё тысячу напишет.

– Это стало песней, а так не часто получается, как-то особо опечалился отец».

В то время каких-либо жестких требований к соблюдению авто-

«Паренек застенчивый»

Автор Смирнова Матрена

*Есть в селе застенчивый
Славный паренек,
В сердце моем девичьем
Огонек зажег.*

*В думках тропкой белую
Все к нему бегу,
Но нигде несмелого
Встретить не могу.*

*Встану поздно вечером
У своих ворот,
Может быть, застенчивый
В темноте придет!*

*На лицо горячее падает снежок,
Ярче разгорается
В сердце огонек.*

**А в душе томление,
С сердцем сладу нет,
Не сидится дома мне
В восемнадцать лет.**

*Кружатся снежиночки,
Звезды далеки,
Ходят по тропинке
Чьи-то женихи.*

1951 г.

«18 лет»

Автор Застрожный Владимир

*За рекой, за лесом
Солнышко садится.
Что-то мне, подружки,
Дома не сидится.*

**Сладкая истома,
Черемухи цвет.
Усидишь ли дома
В восемнадцать лет!**

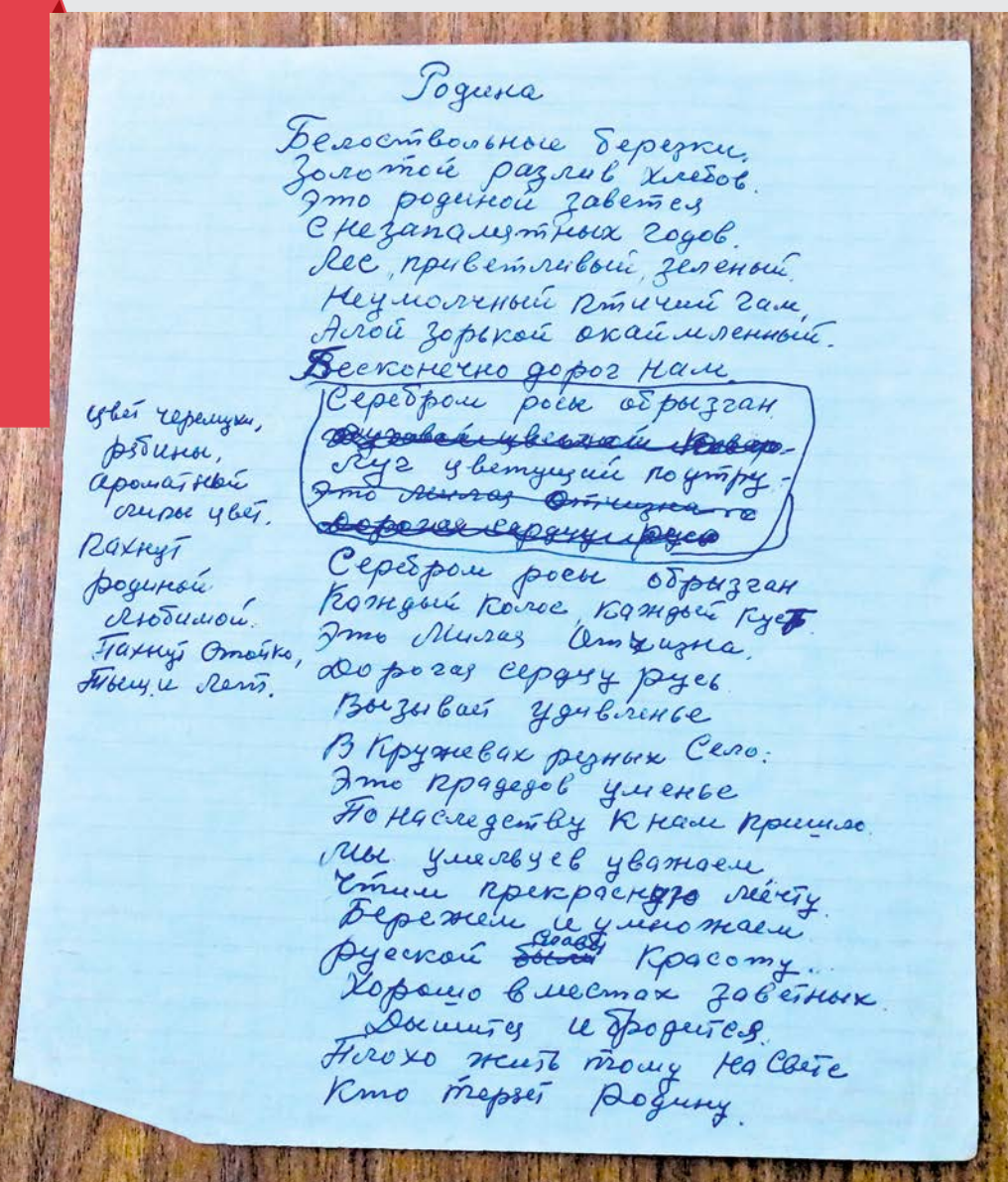
*Звездочки-росинки
На лугах мерцают.
Сердце ждет чего-то,
Бьется, замирает:
Шорохи ночные,
Мягкий лунный свет.
Зори золотые.
Восемнадцать лет.*

Паренек кудрявый
*Прошептал три слова
И увел девчонку
От крыльца родного.
Мята луговая
Уронила цвет.
Радость молодая
В восемнадцать лет.*

*За рекой, за лесом
Солнышко садится.
Мне теперь, подружки,
Дома не сидится.
С ветки облетает
Черемухи цвет.
В жизни раз бывает
Восемнадцать лет.*

1959 г.

Одно из ранее
неопубликованных
стихотворений
Смирновой М.П.,
написанное её рукой
и предоставленное
для публикации
племянницей поэтессы
Татьяной Михайловной
Мокроусовой.

рских прав, да и самих авторских прав, как таковых, не существовало. И различного рода заимствования в творческой среде были обычным делом.

Не брезговали этим и знаменитые артисты. Таких примеров масса, например, фильм знаменитого режиссера Леонида Гайдая «Кавказская пленница» 1966 г. уж очень сильно напоминает героев американской картины «Песня мошенника». 1930 г. А известная песня Александры Пахмутовой, «Нежность», 1965, является полным аналогом песни Бенджамин Бриттен, «Простая симфония», 1934. Список можно продолжать очень долго. При этом не удивительно, что такое творческое «воровство» в культурном творчестве богемы воровством не считалось. Это на-

зывалось «дружеское заимствование». В противоположность плагиату в науке, при наличии которого кандидат в научные соискатели полностью терял доверие и право на защиту, он считался неукоренным.

Получается, что, используя талант поэтессы, после того как её деятельность уже не приносила ощутимых плодов чиновникам от культуры, она перестала интересоваться тех, кто ею пользовался и получал ощутимые привилегии и награды.

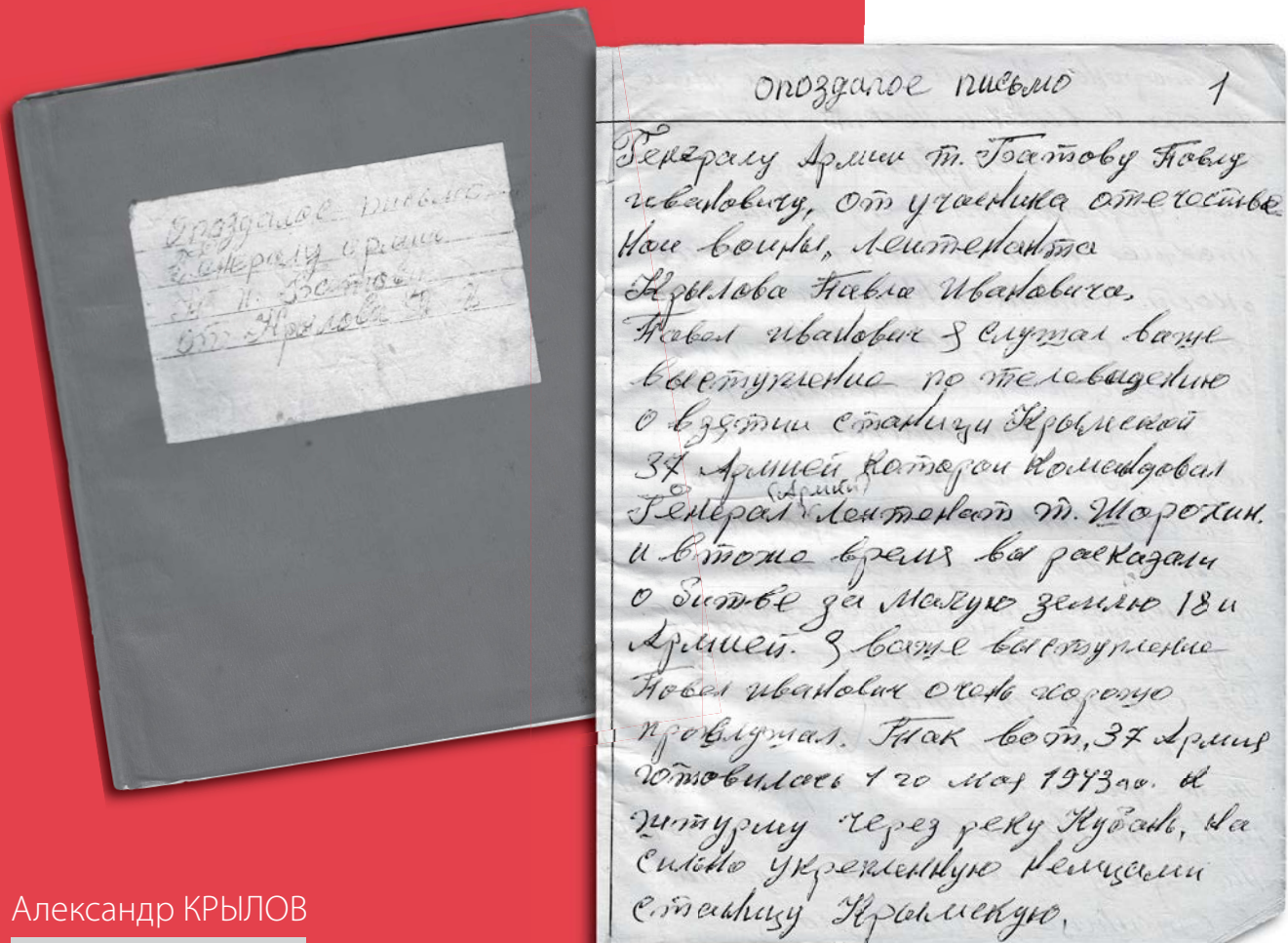
Таким образом, отсутствие авторских прав на произведения интеллектуальной собственности в СССР, а также совести у некоторых представителей артистической и культурной богемы в Советском Союзе позволяли сильным

мира сего обирать тех, кто не имел возможности постоять за свои права.

Понятно, что категорично утверждать, что Застрожный В.К. не автор песни «18 лет», мы не можем. Сегодня он юридически автор. Тем не менее, я посчитал нужным отметить лишь некоторые существенные доводы, которые свидетельствуют в пользу авторства Матрены Смирновой. Читатель волен сам делать выводы об истинном авторстве написания песни «18 лет». С моей же точки зрения, выдвинутые доводы заслуживают того, чтобы с ним ознакомились читатели журнала и все те, кому дорого творчество нашей прекрасной русской поэтессы Матрены Платоновны Смирновой.

«ИСТОРИЯ НАС НЕ ЗАБУДЕТ»

НАЙДЕННЫЕ ДНЕВНИКИ
ПОМОГЛИ ВОССТАНОВИТЬ
ИСТОРИЧЕСКУЮ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Александр КРЫЛОВ

Недавно мы отпраздновали 73-ю годовщину победы советского народа в войне против немецко-фашистских захватчиков. И мы вспоминаем сегодня всех тех, кто принял участие в самой страшной войне за всю историю человечества. Среди них был мой дед. Для него активные боевые действия закончились сразу же после прорыва обороны фашистских войск в районе ст. Крымская в 1943 г., а победу он встретил в немецком концлагере Маутхаузен в начале мая 1945 г.

Вся история его жизни, начиная от трагических событий большевистского переворота в 1917 г. в России и, в частности, история его участия в войне была написана им самим уже будучи на пенсии в 70-х годах XX века. Мать, приходя с работы прове-

ряла, что он написал за день, обсуждала с ним те или иные события и ставила задачи на продолжение написания дневника. Всегда это было сложно, потому что был телевизор и всякие другие соблазны, которые отвлекали деда от написания. Да и сами воспоминания не были из числа приятных.

В детстве мне запомнилось, что Павел Иванович старался никогда не смотреть кинофильмы про войну. Он всегда говорил, что немцев в нашем кинематографе выставляли дураками и неумехами. На самом деле это был очень сильный и мудрый противник.

Недавно дневниковые записи нашлись и мы предлагаем их нашему читателю

Особый добровольческий десантный полк
(по воспоминаниям лейтенанта Крылова Павла Ивановича)

Дело в том, что после войны моего деда постоянно мучал вопрос: «Почему почти 1000 человек, сформированные в Особый добровольческий десантный полк, и направленные на захват плацдарма, путем преодоления плавней в районе реки Кубань, оказались брошены без подкрепления сил и средств, и были обречены на уничтожение. Захват плацдарма произошел стремительно, успешно и незаметно, путем занятия вражеских опорных пунктов на подступах к станции Крымской. Подразделения полка, где воевал в то время 30-летний лейтенант Крылов, почти

сутки удерживали этот плацдарм в районе села Кеслерово Краснодарского края. При этом для противника оказались перерезаны основные транспортные магистрали подвоза боеприпасов, перемещения техники и людей. Полк сделал невозможное. Но без поддержки людьми и боеприпасами, был разгромлен, уничтожен и ... забыт.

А события развивались так (обратимся к дневниковым записям).

«...По решению командования (37 армии) был сформирован Особый добровольческий десантный полк (ОДДП) с задачей высадить его на сторону обороны противника за голубой линией (система водных протоков и каналов, залитых водой низинных мест с зарослями камыша высотой в два человеческих роста – прим. автора). По ту сторону вдоль реки Кубань стояли румынские и немецкие войска»

Полк формировал и инструктировал лично генерал-майор Козлов П.М., в то время командующий 37 армии, воевавшей в составе Северо-Кавказского фронта второго формирования.

«...30 апреля 1943 г. перед форсированием реки Кубань на берегу плавней реки Кубань в станице Троицкой был построен ОДДП. Тогда т. Козлов П.М. перед строем полка сказал: «Товарищи солдаты и офицеры, (эта операция) опасна для жизни. Многие из вас не вернутся, знайте, что вы идете на верную смерть, если кто раздумал, прошу выйти из строя, насильно не посылаем, надеемся на вашу добрую совесть». Но в строю никто даже не пошевелился ... ни один человек не вышел из строя, ни один солдат, все стояли так торжественно, что т. Козлов П.М. от всей души поблагодарил нас и сказал: «...по выполнению задания командования о взятии 1 и 2 хутора, возле села Кеслерово, будете награждены не ниже ордена Ленина или Героя Советского Союза. Вас история не забудет. Желаю вам счастливого возвращения». Вот эти напутственные слова весь состав полка очень хорошо помнил, до последнего патрона.

В 8 часов вечера 30 апреля 1943 г. начали форсировать реку Кубань с плавнями примерно в 6 км шириной от станицы Троицкой до села Кеслерово. Погружались кто на чем: на плотках, на спасательных кругах; только пулеметы на баркасах. В 5 часов утра уже 1 мая наш полк

Павел Иванович Крылов
перед началом войны

Павел Иванович Крылов с женой Евдокией Ивановой,
за день до ухода на войну

благополучно высадился под покровом густого тумана на левый берег реки Кубань. По сигналу красной ракеты штурмом заняли 1 и 2 хутора, уничтожили береговую оборону и две заставы, сходу заняли железную и автодорогу. Вся эта операция произошла так внезапно, быстро и оперативно, что немцы не знали, что мы контролируем дороги и у них ликвидирована береговая оборона. Рано утром на автодороге появились два грузовика, которые везли снаряды в станицу Крымская, примерно 30–40 тонн. Машины задержали, шоферов и немецкого офицера, который сопровождал машины, переправили на лодке в станицу Троицкую, а машины были разукomплектованы, так что эти снаряды до станицы Крымской не дошли, а также не дошли не один десяток румын и немцев. Противник был ошеломлен нашим внезапным присутствием в это время. С 8 часов утра примерно до 9 часов вечера он яростно атаковал наши позиции, но все попытки выбить нас были безуспешными. При этом весь состав полка ждал штурма на станицу Крымскую со стороны поддерживающих частей 56 армии. Тем самым была бы облегчена участь полка, но ни 1, ни 2 мая взятая станица Крымская наши части не смогли.

Примерно к 8 часам вечера контратаки немцев и румын стали усиливаться. Немцы подбросили танки и много автоматчиков. К этому времени у нас боеприпасы уже были на исходе. Командир полка послал

связных по подразделениям собрать у кого есть лишние патроны, но патронов собрали очень мало... у лейтенанта с ПТР вырвало разрывной пулей челюсть, (остались лишь) сверху зубы. И тот не командовал голосом, а хоть рукой показывал и то ладно, но с линии боя не ушел. Стоял до последнего изнеможения, стоял настоящим солдатом и патриотом своей Родины. Так стоял весь состав полка без суеты и паники. Оборону держали только насмерть. И все повторяли: скоро ли там разделаются с Крымской. Ждали как родную мать. Вскоре и меня ранило: перебило ключицу навзлет в плечо. Но оборону не бросили – ни солдаты, ни офицеры, – кровью истекали, но автомат из рук не выпускали. Меня снова ранило в голову и я упал, но не надолго, я был без сознания, потом пришел в себя и через некоторое время нас окружили со всех сторон, но у нас была надежда на взятие Крымской. Однако у нас не было ни гранат, ни бутылок с зажигательной смесью, ни патронов к ПТР, и к 22 часам 1 мая с нами было покончено.

2 мая румыны собрали нас, кто был живой, к дому, где был их штаб, всех раненых было 36 человек. Метрах в 15 от меня лежал командир полка (не то грузин, или армянин – фамилию не помню) и рядом с ним ещё двое, расстрелянных румынами два офицера. Раненые были разные, кого и под руки вели, но увидев расстрелянных офицеров, у солдат сразу стали суровые лица, полные ненависти и злобы. Я видел глаза бойцов, видел

как сжимаются их челюсти от ненависти и боли. На заданный мне вопрос: что с нами будет, наверное, расстреляют? – я, единственный с ними раненый офицер, ответил: «...Ребята, не падайте духом, стойте прямо и ведите себя достойно. Ваша гордость – страх врагу. Вот она, молоденькая березка, предков её, может, давно нет, а она стоит, зеленеет и радуется. Так вот и мы, представим себя предками, и наши потомки также будут радоваться, как эти березки. Так вот по этому поводу, как сказать, расстреляют, не расстреляют – не знаю. Но знаю, что история нас не забудет. Так сказал генерал-майор Козлов. Мы все знали куда, зачем и почему мы шли, добровольно, по совести. Но не по приказу». Солдаты воодушевились и согласились со мной. Пока мы сидели в скверике, к нам подошёл румынский солдат и приказал: кто в состоянии работать, выйти шесть человек. Вышло пять. Я был накрыт пиджачком, мне дала в этом хуторе одна тетка, сказала: закрой свою кровь. Вот этот пиджачок меня и спас. Мой связной подошел ко мне и вытащил меня из числа остальных раненных, а я не хотел выходить, так как правая рука была как плеть, кисть руки бездействовала, ключевая кость разбита, голова шумела. Но все равно я был шестым. Нас заставили копать яму, а оставшихся раненных бойцов тут же расстреляли. Если бы не мой связной, я был бы в том числе. ...Потом нас повели в лагерь военнопленных в село Кеслерово. Всех нас собрали 25–30 человек, всё что осталось от полка».

Уже в семидесятых годах прошлого века дед ездил в село Кеслерово Краснодарского края и узнал, что остались свидетели расстрела раненных ОДДП. Одна из них, Сотниченко Раиса Семеновна, будучи девочкой, спряталась в кукурузе и видела – как расстреливают наших солдат во втором хуторе, где был румынский штаб. Жила она тогда по улице Маиской, 78.

Как оказалось потом, кроме деда, из всего полка выжило еще трое человек. Один из них жил в Краснодаре, а двое на Украине. Причем один из них, как рассказывали люди в этом хуторе, вылез из под засыпанной землей могилы. Во время расстрела он был ранен, и вылез на второй день, когда пришел в себя.

Само этапирование пленных из Кеслерово через Темрюк до пристани Сенной напоминало путешествие

Концентрационный лагерь Маутхаузен. Австрия

в крошечный Ад. Вода для питья, белая от хлорки, люди лежали 4 дня на цементном полу, простуженные и в горячке. Но кормили за четыре дня – 4 раза. По дороге до пристани дали по две пригоршни семечек. Многие люди умирали дорогой, а кто не мог идти, расстреливались конвоем и тут же у дороги рыли могилу и закапывали около соленого озера. Если бы не помощь с едой местных жителей, то, наверное, не выжили.

«...На второй день нас погрузили на баржу и отправили в Керчь. Ночь была темная и дождливая, с нами было много женщин с детьми, поднялся ветер, погнал большие волны, которые переливали через палубу. Мы посадили всех женщин в середину, а сами встали по краям и крепко держались за перила. Так была создана крепкая защита для женщин и детей, хоть и мокрые все были. Утром высадили на берег, дали какой-то мутной похлебки и 200 гр. хлеба.

С нами в кирпичном здании, где нас поместили, было ещё 40 человек перебежчиков – все узбеки, один старик – русский. Нас кормил матрос – русский: вначале, сверху и до половины канистры он наливал похлебку перебежчикам, а вторую половину похлебки с гущей наливал нам. Если какой перебежчик возмущался, то тут же получал черпаком в лоб.

В августе нас привезли в Житомир. За лето моя рука зажила и я готов был со своими товарищами совершить побег, тем более, что наши войска подходили к Жмеринке. Прошло три

дня и нам дали старую немецкую форму, старые русские кирзовые сапоги, немецкие пилюльки и ремни с надписью «Боже царя храни». Обстановка накалялась, как сделать так, чтобы не допустить немецкой присяги.

Бежали в составе 8 человек в сопровождении гражданского товарища, который вызвался, как местный, сопроводить нас до Жмеринки. Прошли день и ночь, дневали в старом болоте, где были кочки и заросли, прошла вторая ночь и день, а у нас ни крошки во рту. На что надеялись? Получилось глупо. На четвертую ночь ночевали в скирде соломы, возле какого-то села. Дождались вечера и пошли в село, перед этим подошел узбек и попросил отпустить. Посоветовались, отпустили. А до этого убежал гражданский, вызвавшийся сопровождать нас. Вышли в чистое поле, равнина – ни куста, ни горки, даже скрыться негде. Стали часто появляться по 2–3 автомашины с кузовами, набитыми солдатами.

Подошли к окраине села и сразу же навалились на окрик «Стой», это был полицейский. Меня и ещё одного сразу задержали, пока рядились, я забежал за угол дома и бросился вдоль огорода, пытаюсь найти товарищей. Но никого не было. Я остался один. И неожиданно попал на кладбище. На кладбище были большие деревья, на которых были гнездовья разной птицы. Время, примерно, 12 часов ночи. Небо затянуто густыми темными тучами. Натываясь на кресты и спотыкаясь через могилы, я создал

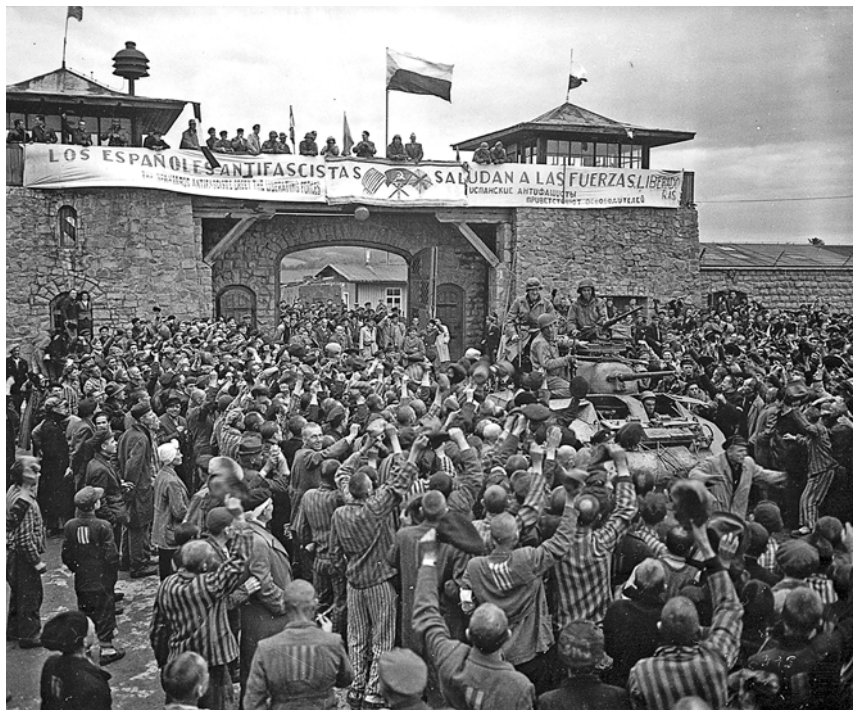
«Лестница Смерти» в концентрационном лагере Маутхаузен

столько шума, что птицы не выдержали и подняли такой крик, на разные голоса, в такую темную ночь, что я в жутком состоянии бежал с кладбища туда, куда сам не знаю: по степи, по пашне, пока не наткнулся на скирду соломы.

В это время на востоке уже было зарево, я выдернул снизу скирды старую солому и заделал за собой вход, так, чтобы новую солому не было видно, заснул мгновенно, даже голод не перебил. Вдруг слышу лай собаки и вижу – полиция с собаками бегут прямо на скирду. Ну, думаю, всё, идет прямо по моему следу, собака рвется вперед и обнюхивает землю и все ближе и ближе. Меня стянуло как пружиной и вдруг собака повернула от скирды влево. Очевидно, собаку сбил запах прелой соломы и она потеряла след.

Я пролежал ни жив не мертв до конца дня, живота не чувствовал, голод не давал покоя. Зажглись огни и я пошел в село Топорищево Червоноармейского района Житомирской области.

Там меня опять и повязали, сразу же отвели в дом, посадили около дивана и вышли, а я спрятал карту и фонарик с компасом под диван, которые тут же нашли, избили несколько раз. На следующий день со связанными руками и ногами отвезли в кузове полуторки в Житомир. Это примерно 70–80 км от Топорищево. Ни рук, ни

В концлагерь входят солдаты 11-й танковой дивизии 3-й армии США. Снимок сделан через день после фактического освобождения узников лагеря.

ног я не чувствовал. Скинули пинками с кузова. Поместили меня в камеру в старую тюрьму, потом меня допрашивали в жандармерии. Избиения и издевательства, пытки путём прижигания носа сигарой или папиросой. И так – неделю. Через пару дней состоялся показательный суд. Он был краток – к высшей мере наказания через расстрел. Поместили в смертную камеру.

Но тут, в связи с наступлением наших войск, всех заключенных Житомирской тюрьмы отконвоировали в польский город Люблин. Время было уже, примерно, ноябрь-декабрь 1943 г. Там меня неоднократно вызывали, но я не отзывался. Дело в том, что там был другой Крылов и он постоянно выходил на допрос вместо меня. Потом в один прекрасный день немцам это все надоело и всех заключенных тюрьмы выстроили на площади, оказалось, что разыскивают меня. Для этого из Житомира вызвали начальника Житомирской тюрьмы. Он прошел вдоль строя и опознал меня. Я стою в строю, он смотрит на меня и говорит: расстрел тебе отменен, тебе дали 7 лет каторги в концлагере Маутхаузен.

Концлагерь для военнопленных Маутхаузен располагался на территории бывшей до аншлюса в 1939 г. Австрии и был лагерем третьей категории, в котором содержались заключенные, исправление которых,

по классификации Гейдриха, невозможно.

«... В январе нас погрузили в товарные вагоны и повезли по польской земле. ... я был настроен на побег, но заснул, а пять заключенных, оборвав проволоку в окне вагона, во время движения вылезли..., но их заметил часовой, который сидел в тамбуре последнего вагона, и дал выстрел. Поезд остановили. После этого случая я молю Бога за то, что я проспал. ... В это время был сильный мороз, снег почти по колено, села польские незнакомые, вокруг белая степь, тогдашние польские люди ненадежные, скрыться, приютиться было негде – это была верная гибель. Немцы совали во все «дыры» своих осведомителей, провокаторов и тому подобных людей. ... в тюрьмах, лагерях военнопленных, даже в концлагерях. Военнопленные один от одного сторонились, жили сами по себе, боялись столкнуться с таким человеком, который мигом доносил начальству лагеря, за это получал краюху хлеба или сто грамм вина. Дальше нас больше не кормили, по прибытию в концлагерь нас переодели в полосатую одежду и сделали борозду вдоль головы под машинку. Поместили нас в 22 штубу, где находились особо опасные люди, напротив – крематорий. Режим особый: подъем в 6 утра, потом завтрак – эрзац кофе и 50 гр. хлеба; обед – 700 гр консервная бан-

ка супа и 50 гр. хлеба; ужин – кружка чая и 50 гр. хлеба. В состав «супа» больше всего входила морковь, хоть суп и жидкий, но морковь давала хоть какие-то питательные вещества. Ночью ложились спать один к одному, как селедка, не повернешься, если кто встал, то на свое место лечь уже не мог, ложился прямо сверху на соседей. Если он не смог залезть в ряд, то бежит штубист и дубинкой, которая называлась гума, из твердой резины длиной 50 см и толщиной 5 см, вгонял тело заключенного обратно в ряд спящих. Утром все вскакивают и бегут, как бешенные, к дверям. А двери узкие, создается пробка и тогда штубист врывается в толпу и бьет без разбору по головам кого попало, так больно, что до земли присядешь. На улице мороз, мы делаем русскую печку, собирались в плотную толпу и грелись, если появлялся штубист, то пулей разлетались в разные стороны. Обувь у нас была такая: деревянная подошва, а на пальцах обшита материей. Подошвы были разного дерева: дуб, береза, ольха, клен – твердые деревья – накаляются как железо от мороза. А кому попала ольха, сосна или другое мягкое дерево, то считай счастье».

«Через некоторое время нас стали лучше кормить и мы поняли, что настало время нашего использования в производстве. Я попал в конвой, который направлялся в Швехат. Здесь был завод по производству экспериментальных реактивных самолетов (Завод в Швехате был включен в программу массового производства реактивных самолетов He.162 вместе с подземным заводом в гипсовой шахте под Веной. Первую тысячу He.162 планировалось закончить в апреле 1945 г, а в мае выпустить 2000 самолетов – прим. автора).

«Работали в две смены, для нас был построен барак на 250 человек. Люди были разные, много итальянцев. Меня прикрепили к австрийцу, а немцы со свастикой на рукаве были начальники. Все мастера не торопились в работе. «Как появится фашист, – говорили они, – то надо что-нибудь делать». Мой мастер говорил: «Фашист – никц гуд». Приносил что-нибудь покушать – делился. Проработали мы дней двадцать, стали прилетать самолеты, а нас угоняли в лесок метров за двести. На четвертый раз два самолета транспортных, таких огромных, сожгли. Потом стало

Русский мемориал памяти жертв концлагеря Маутхаузен. Австрия

очевидно, что этот завод разыскивают. Авиабомба попала в убежище и убила 37 немецких солдат и офицеров. Когда мы шли, то видели как они лежали подряд. На третий день завод разбомбили до основания, все бомбы легли в центр завода. Самолеты были английские и больше не прилетали. На второй день после бомбежки всех военнопленных построили и повели в Маутхаузен в тот же барак, где и были. Примерно дней через двадцать нас обратно повели в Вену. На третий день мы были на окраине Вены, пригород назывался Мёдлинг. Там были когда-то шахты по добыче скульптурного камня. Он разрабатывался в три яруса, нижний ярус с выходом на реку Дунай. Нижняя шахта самая длинная, с узкоколейкой. Через два месяца после постройки барakov для жилья военнопленных, я был прикреплен к другому мастеру. Меня заставили работать пневмомолотком, клепать заклепки для фюзеляжа самолета. Я выполнял эту работу 5 дней. На шестой пришли мастер с начальником и начинают говорить все громче и громче, потом кричать. Минут через 30 пришли два солдата и меня, и моего напарника, скрутив, отхлестали по двадцать плетей. Зато все заклепки фюзеляжа самолета пришлось срубить и клепать по новой. Работу задержали на 6 дней. Это очень радовало. Все люди работали еле-еле, чуть шевелились

и ладно. Однако если немец замечал, то штаны прилипали от крови. Несмотря на строгость и побои человек почему-то держит себя гордо и смело. Если кто старался работать и торопиться, то ему через зубы говорят: ты куда спешишь?! У немцев было заведено за хорошую работу поощрять пачкой сигарет или двойной порцией супа. Вот некоторые и старались заработать от немцев подачку. В воскресенье перед строем из пятисот человек вызывают 5, а то и 10 «великих тружеников» и вручают им подачку. Некоторые раздают все до последней сигареты, а другие держат при себе. По возвращению в барак к этим парням одни подходили по очереди, а другие отходили, но ни слова, ни упрека. Награжденный как правило срывался и со злостью говорил: что вы на меня смотрите? Я ещё жить хочу! Но после этого, они перед строем больше не появлялись. Я работал подсобным рабочим, к нам был приставлен солдат, такой проныра. Видит, если какой заключенный делает для себя хорошую вещь: наборные мундштуки, трубки, ножи с наборными ручками, – дожидается пока работа будет закончена, а потом делает обыск, отберет хорошую вещь и набьет ещё, но немцам не доносил. Всю информацию на фронтах войны мы получали от мастера.

Однажды выстроили всех и спросили, кто маляр? Все молчат. Я сказал,

что могу. Дали насос, которым опрыскивают деревья и пацана итальянца, чтобы качал. Надо было покрасить большой сарай. Я с ним белил этот сарай две недели. Потом пришел офицер и выгнал нас. Два дня после этого мел двор. На третий день приходит офицер и говорит, кто печник? Я вызвался: говорю, я печник, а он смотрит на меня, 5 минут смотрит, ну, думаю, пропал, прибегает солдат и кричит «мютце ап» и бьет меня по лицу. Я не пойму, кричу – не знаю никакого мютце ап, пока из строя не крикнули: шапку сними. Немец усмехнулся и дал задание «поправить» трубу на крыше кухни. Дали помощника поляка, его звали Янек, небольшого роста, потом мы сильно подружились. И вот эту трубу мы клали три дня, высотой два метра. Прошло дней 10, перед строем опять объявляют: кто есть маляр? Я, – говорю. Ком менгу. Я подошел, но мютце уже была снята. Вдруг солдат подбегает к офицеру и говорит: он, этот шакал, испортил фюзеляж, красил сарай, клал трубу. Офицер отправляет меня обратно: Ту никц гуд арбайт. Потом ещё несколько раз объявляли: кто есть маляр? В конце вызвали меня опять к офицеру. Офицер объясняет, что ты будешь красить бочки и термоса на немецкой кухне, в количестве 50 штук. Ферштейн? Я говорю: Ферштейн. А сам думаю: и людей подкормлю, и сам наемся. Термоса были с облупленной краской и я потребовал наждачную бумагу. Пока таскал термоса на улицу, заглянул в котел и обомлел, половина котла было хорошего жирного супа. У меня была каска, которую я носил вместо миски и я, не раздумывая, погрузил её прямо в котел, да поглубже, поставил в термос, вынес его и поставил в центр всех термосов. После начала обеда солдат и офицеров повар вынес мне кусок хлеба и миску супа, в конце, когда все ушли, уборщик налил мне ещё такую большую миску супа и ещё дал четверть булки хлеба. Вечером люди пришли с работы, я выбрал в бараке 4 самых худых человека, и по одному направил их к месту перепрятанной в кусты каски. Вечером мне наливали суп и я его в бараке отдавал, тем, кто был старик или крупный мужчина. На второй день я отодрал наждачкой одну показательную бочку, которую всем проверяющим показывал. И так я красил бочки и каждый день поддерживал това-

Крылов П.И. (по возвращению на Родину после плена), его жена Евдокия Ивановна и дети Люба и Гена – по возвращению на Родину после плена

рищей. В конце я настолько осмелел, что потерял бдительность. Не успел, в очередной раз зачерпнуть каской в котле супа, как появился тот солдат, который контролировал нас в штольне. Как я его увидел, то каска у меня выпала и упала в котел. Он подбежал и оттолкнул меня, поднял крышку и увидел, что там плавает сверху супа моя каска. Стою и думаю: Боже мой, что теперь будет? Ноги дрожат и не гнут. Это тот солдат, который порол меня за клепку фюзеляжа. Вдруг он вытащил мою каску, бросил под порог и стал кричать. Прибегает уборщик, он ему говорит: шакал, никс гуд арбайт (плохо работает), – уборщик говорит: Варум (почему?). В общем, он кричал, но основную причину так и не сказал, что моя каска была в котле. Больше до обеденного времени, я на кухню не заходил. Но далее принял другой вариант. Заносил несколько канистр на кухню и вычерпывал суп, что оставался после обеда. Кроме того, собирал хлеб оставшийся после обеда. Красил я эти бочки и канистры пятнадцать дней, после этого офицер дал мне пинка под зад. Неделю ещё пять бочек. Через некоторое время объявляют: кто есть фрезер парикмахер. Я, – говорю. Таких как я ещё было пятеро. Утром началась стрижка. Я брею бороду у итальянца опасной бритвой. Вдруг появляется тот немец, который меня все время преследует. Он думал, что я придируиваю, что не могу брить. Потрогал бороду у итальянца и говорит: Гуд.

Утром опять в штольню, таскать камни, спускать воду, проделывать

каналы. Работа была тяжелая. Работая мотыгой и вдруг вижу, за мной наблюдает, как преследует, всё тот же солдат. Я встал по стойке смирно, сам себе скомандовал: Мютце ап и стою молча. Он подходит и смотрит на меня. Я набрался смелости и говорю ему: Гер комарат, дай закурить одну сигарету. Он вытащил пачку, неполную и всю отдал мне и, показывая на себя пальцем, сказал: Майна гуд (Я хороший). Потом, рукой показав как черпают из котла суп, продемонстрировал, что я был бы повешенный. Он повернулся и пошел, а я ему вслед: Гер, комарат, файер (огня, прикурить). Он посмотрел по сторонам, подошел и зажигалкой дал прикурить и сказал: Морген алес век (утром все уходим). Если в Швехате все разбомбили, то в Мендлинге под натиском наших и американских войск пришлось покинуть эти штольни. Пришлось не доделать фюзеляжи, бросить все станки. Зря асфальтировали и строили бараки. По дороге из Вены конвой был другой – одни старики и один молодой офицер. По дороге ночевали в яме, где брали глину для кирпичного завода. Ночью шел дождь, все развезло. Люди не спали, а стояли на коленках, охрана тоже мокрая. Охрана в 2 часа ночи начала спорить (их было примерно 15 человек на 600 человек пленных). Молодой офицер настаивал всех расстрелять в яме, а старики были против. Наутро нас построили, все были грязные и мокрые, промерзли до основания, потом на ходу согрелись, ожили. Пока шли через австрийское село, нам бросали

хлеб, но очень мало, не так как в России. После очередной переночёвки пришли в концлагерь. Работы не было. Заставляли чистить снег, а мы в босоножках, в лагерной одежде. Промерзали и простывали. Больных отправляли в ривир (лагерная больница), примерно, в одном километре от лагеря. Там делали всякие опыты над больными. Почти каждый день из ривира пленные на телеге вывозили по 10 и более человек в крематорий. Везли одни кости, до такой степени люди были замучены всякими опытами и препаратами. Кто ушел в ривир, тот не вернулся. В начале мая при подходе наших и американских войск было отдано распоряжение дегазировать некоторые отборные браки, преимущественно русских. Но не успели. Подоспели американские войска, лагерная администрация вся разбежалась. Остался один пожилой солдат. Но его никто не трогал, наоборот, сделали документ и подписали его десять человек, что он всегда помогал всем. Он-то и рассказал, что должны были уничтожить 22, 23 и 24 штубу, потому что там были самые «опасные» люди. На реке Дунай стояла большая баржа, в ней находились военнопленные. Баржа была заминирована. Но тот, кто должен был взорвать баржу, не взорвал её и выпустил всех людей на волю. Сделал это немецкий солдат. Он говорил: Мой отец был у русских в плену во время гражданской войны, так немцев кормили масляной кашей до сыта. Поэтому я не выполнил приказ.

«Двадцать второй барак был забит, мы сидели и ждали, когда откроют, наконец открыли, только не немцы, а пленные, и кричат: «Победа! Ура!» Мы вышли и увидели над воротами три флага, русский был посередине. Все шныряли по лагерю, в том числе и американские солдаты. Я поднялся к крематорию, посмотрел двор и печь, куда сбрасывали для сжигания людей. Мне стало страшно, я убежал. Потом прошел в склад, который охранял итальянец. Там была в три яруса уложена одежда. Я выбрал себе и знакомому по пальто. Это была одежда тех людей, которых сожгли в крематории. Пошел обратно в толпу: сколько было радости, сколько было слёз, объятий. Уходя из лагеря, я прихватил с собой подростка с Украины, Митьку. Мы сразу пошли к Дунаю, к городу Цветель. Идем, просим хлеба по селам, я-то покрепче, а Митька совсем плохой. И

у него скрутило живот. Нашли врача, на пантомимах рассказал, что у него. Врач дал какие-то таблетки. Потом пошли дальше, зашли в большой дом к Бауэру, тот расспросил нас, откуда мы, дал поесть, уложил на сеновал. Утром мы запрягли телегу, на которой приехали два мадьяра, взяли с собой парня с Украины по имени Николай и поехали дальше. Митьку сделали извозчиком, по дороге выбрали женщину с грудным ребенком, шедшую пешком в Россию, тоже посадили на телегу. Она поначалу думала, что едут немцы, а когда я заговорил с ней, услышала родной язык, да как бросится к нам, обрадовалась и стала слезно просить нас взять её с собой. Да разве можно было её не взять? А мы с Николаем шныряли на велосипедах выпуска Харьковского завода, которые отобрали у немцев, ехавших по дороге на возу. Я тогда понимал, что это не является грабежом, а просто конфискация награбленного имущества в России. Поэтому они отдавали нам безо всякого сопротивления.

В Цветеле уже было много военнопленных, нашли коменданта лагеря и сдали ему лошадь, телегу и два велосипеда. Время было – конец мая, было тепло и весело на душе, мы считали себя почти дома. В Цветели прошли проверку, которую называли «смерш», к нам тогда много пытались примазаться жандармы, полицаи разные, старосты, которые при немцах охраняли нас в лагерях. Но наша братия их узнавала и передавала в руки правосудия. После проверки нас направили в город Невель. По дороге по Австрии и Польше мы свободно выходили из вагона на остановках. Но как только переехали границу – тут будь здоров – дверь вагона на замок и до самого Невеля. Там после генеральной проверки мне возвратили звание лейтенанта, вручили медаль «За победу над Германией» и отправили служить в Хабаровский военный округ в Ургал Хабаровского края в ГУЛЖДС, где я был дежурным офицером военнопленных японцев, а потом техноруком автоотряда».

По рассказам деда, он был мобилизован из рядов Советской Армии из воинской части – Автоотряда, в котором был лагерь, где находились пленные японцы, причем, когда он уходил, они плакали навзрыд. Очевидно, что он, даже не зная японского языка, смог наладить с ними внутреннюю духовную связь, которая соверши-

ла чудеса – пленные японцы видели в нем человека, по степени страданий равного себе, и поэтому работали за «совесть», а не под угрозой наказания. Так, например, все колеса и запчасти для автомашин, которые они умышленно бросали в болото, чтобы меньше работать, были возвращены, восстановлены и использовались для эксплуатации техники.

А по поводу гибели более тысячи человек Особого добровольческого десантного полка (ОДДП), при штурме подступов к станции Крымская, то мне попала заинтересовавшая меня формулировка текста Распоряжения (Приказа) командующего Степным фронтом Конева И.С., согласно которому генерал-майор Козлов П.М. был отстранен от командования уже 47 армией в период с июля по 3 августа 1943 г. «за слабое руководство войсками армии и незнание обстановки, состояния подчинённых соединений и отсутствие с ними непрерывной связи, что привело в ходе боевых действий к значительным потерям личного состава армии». Я полагаю, что такая запоздалая оценка деятельности, в недавнем прошлом командующего 37 армии Козлова П.М., в период его руководства войсками и личного участия в формировании почти полностью погибшего ОДДП, позволяет сделать вывод о причинах трагической судьбы тысяч бойцов им же сформированной и направленной в смертельный бой части.

Из дневниковых записей следует, что определяющая роль в решимости солдата и офицера выполнить боевой приказ принадлежит моральному состоянию бойца, его пониманию необходимости и готовности отдать жизнь за Родину. Ведь ни один боец из состава ОДДП не сделал шаг в «сторону», когда генерал Козлов П.М. предложил сомневающимся остаться на этой стороне. Они предпочли принять смертельный бой, выполнить свой патриотический долг, защищая страну, но не уйти назад или бежать с поля боя. Дневниковые свидетельства лейтенанта Крылова П.И. – есть недвусмысленный ответ всем тем членам либеральной колонии сегодняшней России, которые отрицают роль идейного и патриотического воспитания молодежи, пытаются заменить его космополитическими взглядами, специально распространяемыми для определенных слоев населения. А нам сегодня есть кем гордиться и с кого брать пример несгибаемой воли и мужества.

ЗОЛОТО. ЛЮБОВЬ. РЕВОЛЮЦИЯ.

фото: Дмитрий Журкин

ОЧЕРЕДНАЯ ПРЕМЬЕРА В ПЕНЗЕНСКОМ ДРАМТЕАТРЕ ПРЕДЛОЖИЛА ЗРИТЕЛЮ «ТЕМУ ПРАВИЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ»

Спектакль поставлен по пьесе
Юрия Полякова «Золото партии»,
которая была написана
в конце 2016 года.

Собственно говоря, эту премьеру стоило бы ждать в прошлом году на волне темы 100-летия Октябрьской революции. Да и сам автор пьесы писал, в том числе и имея в виду эту годовщину. Но театальный сезон с календарным годом не совпадает, поэтому будем считать, что пьеса все же имела юбилейный оттенок.

Тем более что тема революции в спектакле, вышедшем на пензенскую сцену под названием «Золото. Любовь. Революция», была обозначена сразу по-провинциальному саркастично. Революционные студент и курсистка, разрывающиеся от приличествующих возрасту позывов друг к другу и идеалами революции, устраивают суету с «архиважным» конвертом, прерываемую появлением жандармов. Зовут студента и курсистку, увы, Владимир и Надежда, причем актер, играющий Владимира, нарочито картавит и цепляет к определениям в своей речи карикатурное «архи-». Что сразу должно «как бы намекать» зрителю. Конверт, как выясняется уже под конец пьесы, содержал вексель швейцарского бан-

ка на полтонны золота, в силу стечения обстоятельств не дошедший до адресата - революционной партии и через сто лет. Отсюда оригинальное название пьесы «Золото партии», данное ей автором, известным писателем Юрием Поляковым.

Юрий Поляков имеет славу писателя злободневного. Наиболее громкий успех выпал на его долю в перестроечное время и был связан с выходом повести «Сто дней до приказа», ошарашившей добропорядочных советских обывателей открытием темы дедовщины в армии. На этот раз он посчитал злободневной тему революции и...

Сам Поляков говорит о своей пьесе так: «Меня давно занимала история семей, в которых поколения исповедуют совершенно разные жизненные принципы, политические взгляды, где идет развитие через отрицание. Хотелось написать пьесу, в которой глава клана – советский мастодонт, переживший войну, поднимавший экономику, а дети и внуки – совершенно другие».

Режиссер спектакля, пятикурсник ГИТИСА Кирилл Заборихин выразился гораздо пафоснее: «Тема правильного жизненного пути. Правильно ли мы живем?»

Чтобы получить ответ на этот вопрос, стоило сходить на спектакль.

Пересказывать содержание пьесы всегда малоинтересно. Потому ограничимся спойлером, опубликованным на сайте пензенского драмтеатра.

«Завязка происходит буквально за несколько дней до Октябрьской революции, а вот основные события разворачиваются прямо сейчас, в особняке разорившегося банкира Марлена Петровича Барабаша, которому пришлось забрать из престижного дома ветеранов своего престарелого отца Петра Лукича – в советские годы крупного партийного руководителя, возглавлявшего область, «равняющуюся трем Франциям». Банкира донимают обманутые вкладчики и бандиты, дети от разных его браков тоже хотят получить свою долю, четвертая жена и дочь от третьего брака готовятся стать матерями, а нанятая для отца молодая сиделка с ученой степенью кандидата наук, скромная красавица Оксана, сама того не желая, завладела сердцами чуть ли не всех окружающих мужчин. Но главный вопрос – где найти деньги, чтобы погасить долги? Спасти многочисленное семейство может только чудо».

Нормальный сюжет для современной комедии. Плюс неизбежные для этого жанра шутки «Революция без евреев – как тесто без дрожжей. Главное – не переборщить», «Господь не Кремль, в банковскую систему не вмешивается» и так далее, публикой встречаемые очень благосклонно.

Но не смехом единым положено брать публику комедии такого масштаба автора как Поляков. И она бе-

рет... за живое исключительно злободневными нотками.

Обрадовало то, что один из главных героев – бывший крупный партийный функционер предстает не кровавым упырем и не идиотом, как это было общепринято в произведениях российского искусства последние 30 лет, а цельной личностью, выступающей антагонистом своему жулику-сыну. Заслуженный артист России Сергей Дрожилов был загримирован (или это только показалось?) под автора пьесы, что наводило на мысль о том, что именно этот герой и олицетворяет «правильную жизнь», которая, увы, похерена, да и вообще подходит к концу – старику-то за девяносто. Как бы то ни было, именно на этого персонажа явно должны были быть направлены симпатии зала.

Тем паче, что ему были отданы самые смешные и ядовитые пассажи. Вот, например, разговор с майором ФСБ: «Вы видели этого человека? Предупреждаю – опасный экстремист! – Видел! – ? – В гробу я вашу власть видел. Советская власть ловила воров, хапуг, взяточников, а вы экстремистов тут развели!». И майор ФСБ, и сам «экстремист» (бойфренд беременной младшей внучки правильного деда) смешны и нелепы – один в своей крайне нелепой «революционности» – «мы левее коммунистов... программу обсуждаем... денег нет», другой – в своем стремлении ликвидировать эту страшную «угрозу». Но тут вспоминаешь идущее на наших глазах «дело пензенских анархистов» – и как-то становится не до смеха...

Злободневно должно быть изображение гастарбайтеров-украинцев.

Про постановку в целом сказать что-то сложно. Сиделка деда подвергается сексуальным преследованиям сына-банкира. Дед в пику сыну отписывает ей квартиру в центре Москвы.

В конце она воссоединяется со своим мужем, с которым она рассталась из-за его пещерного национализма («Христос был укром»), каковой не мешает ему работать сантехником в Москве. Каковая коллизия заставила вспомнить популярную в пензенских маршрутках лет десять тому назад песню «Я знаю точно, что Господь меня поймет, и в этом городе меня прописка ждет». Очень трогательно.

Финал пьесы оптимистичен. Кроме сиделки, все правильно и хорошо устраивается у беременной жены банкира, уходящей к настоящему отцу – шоферу; вполне оптимистично у беременной внучки, обещающей ждать повязанного ФСБ бойфренда-экстремиста, который к тому же успешно сбегает. За этим делом и про вексель все забывают как-то. В общем, любите и размножайтесь! Что, наверное, правильно.

Автор пьесы говорил: «Меня как ни ставь, если слова слышно, то воздействие будет одно и то же, только степень его будет отличаться в зависимости от таланта актеров, режиссера. Но так, чтобы по одному и тому же произведению в одном театре – один спектакль, в другом – про другое, такого нет. Я думаю, это связано с тем, что я предлагаю жесткую конструкцию, из которой ничего не выбросишь, иначе она рассыплется». Что, наверное, тоже пошло на пользу спектаклю.

Можно считать, что очередная премьера в пензенском драмтеатре удалась.

Разве что вот две ложки дегтя.

Первая – объявлено было возрастное ограничение для зрителей «16+». Но во всем спектакле под это можно подтянуть разве что пару реплик персонажей: «Я поклоняюсь Яриле в виде двухметрового фаллоса» (внучка троллит старшего брата-священника) и известную народную мудрость «С.ать и родить – нельзя погодить». Нехорошо ожидания обманывать!

Вторая – перед началом спектакля было объявлено, что зрители после спектакля могут задать вопросы автору, Юрию Полякову. Некоторые запомнили это и остались ждать. Пока не дождались. Служители вежливо попросили их покинуть зал. Также как-то неловко вышло.

А так – поздравляем и ждем новых сценических свершений.

по материалам www.penzasmi.ru

КАК СДАЛИ В УТИЛЬ «НАШЕГО БОЧКАРЕВА»

**РОСКОШНЫЕ ИЗДАНИЯ, ПРОСЛАВЛЯВШИЕ
ПОКОЙНОГО ГУБЕРНАТОРА,
ТОННАМИ СДАЮТСЯ В МАКУЛАТУРУ**

Максим ДЕНИСОВ

Мне тут знакомый бомж позвонил. Говорит, приезжай – тут в пункт приема вторсырья на Суворова «тонну бочкарева» привезли... К сожалению, я находился на тот момент на медицинском стационаре и не смог подъехать. А у бомжей пензенских телефоны, по большей части, еще функциями фото не оснащены. Но вкратце мне было рассказано следующее – некий гражданин сдал в макулатуру более 700 килограммов парадных альбомов «Наш Бочкарев. Взгляд тех, кто рядом».

Издание 2010 года, надо сказать, поражает своей роскошью. 320 страниц альбомного формата на мелованной бумаге. Да еще и со всякими изысками – раскладками, вырезками – замочными скважинами, через которые можно видеть, как губернатор перебегает по бревну ручеек и прочее, скромно охарактеризованные издателем, как «интересные, часто неожиданные дизайнерские решения». Тираж роскошного издания – 1 000 экземпляров.

Учитывая нестандартность заказа, сегодня сложно точно подсчитать стоимость такого издания. Но, принимая во внимание расходы на подготовку и верстку издания, они могут составлять, по нынешним расценкам, никак не менее пары миллионов рублей.

Вес книги составляет (взвешено на кухонных бытовых весах) 2 315 гр. По видимости, сдана была примерно третья часть заявленного тиража. Как человек, имевший немало дел с издательским бизнесом, могу сказать ответственно – заявленный тираж не есть реальный. Проходящее по документам количество экземпляров могло отличаться от количества реально получаемых вплоть

до лишнего нолика в конце. Но на этот счет у нас данных нет, потому будем говорить все-таки «треть тиража».

Стоимость сданного груза, по нынешним расценкам (5 руб/кг за книжно-журнальную продукцию),

три с половиной тысячи рублей. Минус перевозка груза. Кто сдавал, нам, конечно, неизвестно доподлинно. Но можно построить догадки.

Кто был заказчиком этого великолепного альбома?

Нам не нужно долго гадать. Открывают альбом вступительные слова тогдашних первых лиц городской власти – главы города и главы администрации. Но, то ладно, главное в конце – список людей, «которые нашли средства для издания этого альбома»:

Хайров Рашид Рифатович
Назаркин Сергей Юрьевич
Семенов Роман Владимирович
Чернов Роман Борисович.

Первые три – ладно. По пол-лимона могли из своего кармана отстегнуть. Несколько смущает разве что тот факт, что Назаркин и Семенов числили за собой строительный холдинг SKM, представленный в тогдашней Гордуме аж шестью депутатами («Семеновский полк», как тогда шутили). Но вот мэр города Роман Борисович Чернов... он же чиновник, а не бизнесмен... откуда он тогда деньги на этот альбом достал, из какого кармана?

Нельзя, правда, не отметить, что на издании изрядно сэкономили. В книге имеется перечень фотографий, «которые абсолютно БЕСПЛАТНО предоставили свои фотоархивы» – всего 13 человек – чертова дюжина, однако. Забавно изучать этот список на предмет известных фотографий – кто там есть, согласный за бесплатно давать свои фото, а кто явно не согласился принять такую «честь». В списке не упомянуты собственно мэр города Чернов и первый замглавы города Алпатов, чьи фотоработы безошибочно опознаны пензенскими журналистами. Но самое главное, приписка – «и многих других людей, имена которых мы не знаем». То есть, по-русски говоря, «мы эти фотки «спёрли»!»

Неизвестно, сколько заплатили авторам текста – Вере Фейгиной (главной по городской культуре) и Елене Овчинниковой (пресс-секретарю мэрии тогдашнему) за цитату из Ницше под портретом Бочкарева и подписи к фотографиям типа «Но он и орден-то не носит. Скромничает».

В любом случае, место происхождения шедевра полиграфии и, как это принято с легкой руки британского премьера, – с большой степенью вероятности, – местоположение адресанта макулатурной посылки нами выяснено. Это площадь Жукова.

Вот уж действительно – Sic transit Gloria mundi.

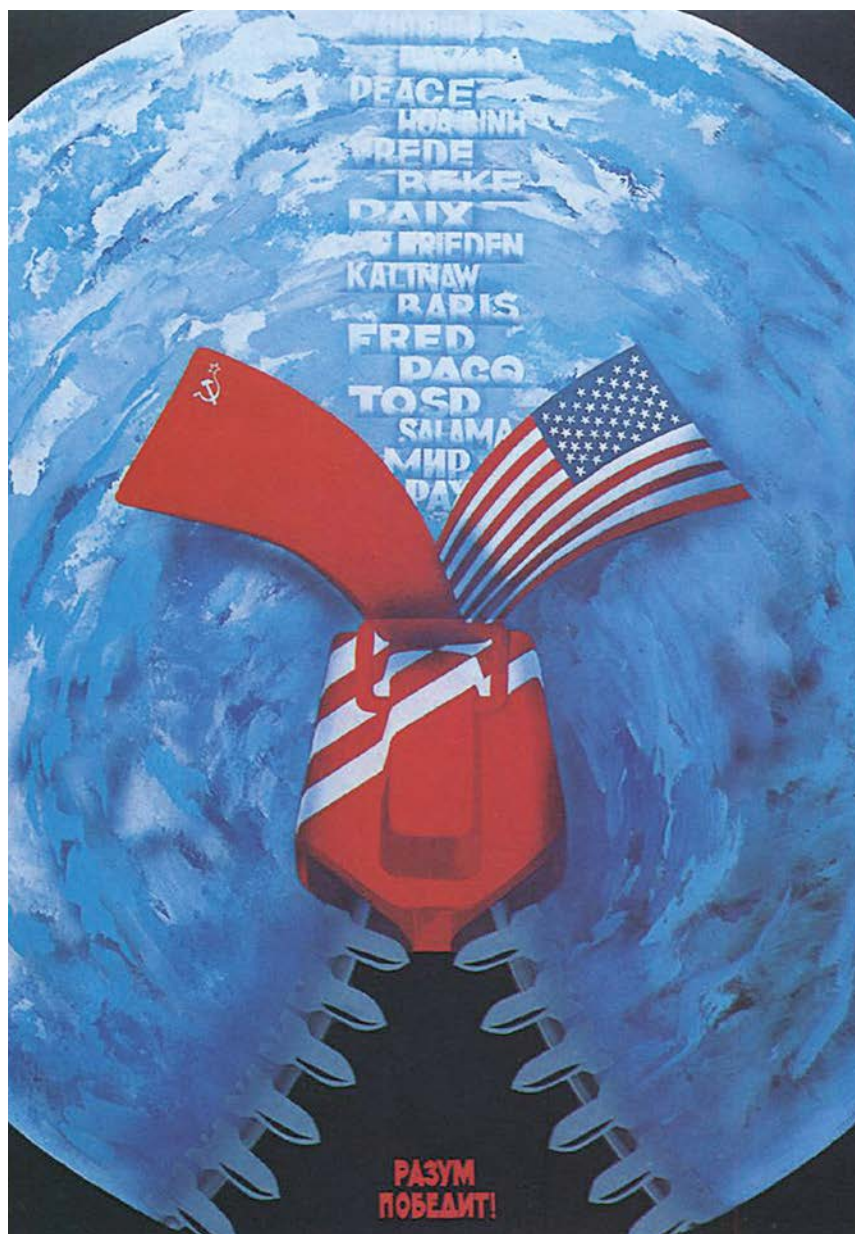
ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ

Вячеслав КАРПОВ

12 марта 2015 года из полугодовой орбитальной командировки с космонавтами США вернулся наш земляк Александр Самокутяев. На первой же после приземления пресс-конференции он сказал знаменательные слова: «Есть такая система «Земля-МКС-Экипаж». Это единое целое. Внутри мы вместе. Когда что-то случается, мы надеваем один противогаз. И мы за него не боремся, а помогаем друг другу спастись. Мы занимаемся своей работой, она нам нравится, и мы друг друга уважаем».

Американские врачи защищали Севастополь

Как это ни парадоксально сейчас звучит, но единственной из великих стран, поддержавших Российскую империю в бездарно проигранной Крымской войне 1853–1856 годов, были Соединенные Американские Штаты (САШ). Молодая заокеанская республика, объявив официально

Плакаты середины 1980-х. А. Кравченко. «Разум победит!»

нейтралитет, восхищалась обороной Севастополя, помогала нам оружием, медикаментами, 43 врача-добровольца трудились на поле боя. Русские врачи заказали для своих американских коллег памятную серебряную медаль. На ней выгравирован равноконечный крест, медицинский знак и надпись – «Севастополь. Американским коллегам от благодарных русских врачей в

память о совместных трудностях и лишениях».

Гордясь работой с великим Пироговым, врач Уайтхед писал, что награды будут напоминать ему о том, что ему выпала честь оказать помощь офицерам и солдатам, которые покрыли славой русское оружие и завоевали Севастополю имя бессмертного. После войны все американские врачи вернулись домой, их

наградили серебряными медалями «За защиту Севастополя» и бронзовыми «В память Крымской войны 1853-1856 годов». Три доктора награждены орденами Святого Станислава, а один – орденом Святой Анны третьей степени.

Лето 1854 года, героическая оборона Петропавловска от англо-французской эскадры. Решив свои дальневосточные дела, эскадра коалиции готовилась к аннексии русской Америки и была готова отправиться на Аляску. В обороне Петропавловска прославился потомственный пензенский дворянин, будущий контр-адмирал, а с 1863 года главный правитель Русской Америки – Дмитрий Петрович Максудов. 16 декабря 1866 года император Александр II провел специальное совещание, где все одобрили идею продажи Аляски. Младший брат императора, Великий князь Константин (глава морского штаба России) писал министру иностранных дел А. Горчакову: «...продажа эта была бы весьма своевременна... Соединенные Штаты возьмут у нас помянутые колонии и мы не будем в состоянии вернуть их...». В ночь на 30 марта 1867 года, в 4 часа утра, договор о продаже Аляски Соединенным Штатам был подписан. Аляску продали за 7,2 млн. долларов. После окончательной сделки газета «Нью-Йорк Герольд» писала: «Россия и США – два молодых гиганта Старого и Нового света... Они должны быть дружелюбны со своими огромными владениями, и никогда, ни на море, ни на суше не выступать друг против друга. Интересы этих стран требуют, чтобы они шли всегда рука об руку в их историческом ходе».

30 процентов территории современных США – это русские колонии, приобретенные у Российской империи: Гавайи, 1814 год, Калифорния, 1841 год, Аляска, 1867 год, и территории всего тихоокеанского побережья от Форт-Росс (Калифорния) до Ново-Архангельска (Аляска).

Россия отстояла независимость США

Буквально через несколько лет, в разгар Гражданской войны в Америке, Россия помогла отстоять независимость и целостность американского государства от сепаратистов рабовладельческого Юга. Отвечая на обращение А. Линкольна о по-

мощи, князь Горчаков сказал послу США в Петербурге: «Ваша страна еще только появилась на свет, когда русские стояли у вашего изголовья, как ангелы-хранители, во время первого президента Вашингтона. Нам не нужны Северные и Южные Штаты – нас устроят только Соединенные Штаты Америки». В 1863 году, в обстановке строжайшей секретности, к берегам Америки были отправлены две русские эскадры – Тихоокеанская и Атлантическая, в общей сложности 11 боевых кораблей, 3000 моряков, 260 орудий. Россия решала свои стратегические задачи, а также предполагалось, что визиты русских кораблей станут демонстрацией поддержки Севера этой страны, президента Линкольна. В составе русских эскадр находились и моряки, имеющие непосредственное отношение к пензенскому краю: мичман Петр Николаевич Дурново и лейтенант Андрей Карлович Де-Ливрон. Петр Дурново вошел в историю как ярый противник реформ Петра Столыпина и как последний министр внутренних дел Российской империи, умерший естественной смертью. Его прозвали «Русский Нострадамус». Похоронен в селе Трескино Колышлейского района Пензенской области, где находилось имяние братьев Ивана и Петра Дурново. Андрей Карлович Де-Ливрон – будущий контр-адмирал. В Пензе известна другая ветвь знаменитых моряков. Андрей Францевич Де-Ливрон, русский адмирал, первооткрыватель Аляски (1817–1919), с 1855 года, уйдя в отставку, поселился в Пензе. Как же Америка принимала русские эскадры? Госсекретарь США отметил: «Наша дружба распространяется на Россию в любом случае, и мы предпочитаем ее любой европейской державе просто потому, что она всегда желает нам добра». Новорожденным, в массовом порядке присваивались русские имена, в продажу поступили казацкие пистолеты, новгородские подвязки, московские рубашки. Даже Бродвей называли «Русской мостовой»! Грандиозный бал в честь русских моряков в Музыкальной Академии Нью-Йорка превзошел по роскоши все подобные мероприятия, когда-либо устраивавшиеся в Америке. Прибытие российских эскадр сделало невозможным для Англии и Франции вооруженное вмешательство в дела

Евгений Матвеевич Сузумов

США и России. Итоги визита русских эскадр подвел начальник таможенной службы Сан-Франциско: «В настоящее время ни одна нация на земле не трогает так сильно американское сердце, как народ великой империи, который вы достойно представляете в Сан-Франциско». Было бы, наверное, полезно почаще вспоминать эти слова, причем, обеим сторонам.

В конце прошлого года мне довелось познакомиться с интересным человеком. Алексей Евгеньевич Сузумов – наш земляк, с 1982 по 2006 год работал сотрудником Секретариата Организации Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), сейчас является экспертом ЮНЕСКО, живет в Париже. Алексей Евгеньевич рассказал о своем отце Е.М. Сузумове (1909–1998) – географе, писателе (автор 13 книг и 150 научных статей), почетном полярнике, почетном гражданине г. Н-Ломов, имя которого присвоено одной из улиц в микрорайоне «Заря».

В годы войны Е.М. Сузумов был помощником знаменитого И.Д. Папанина, дважды Героя Советского Союза, Уполномоченного Госкомитета обороны по перевозкам на севере. Штаб Папанина принимал военные грузы союзников, отвечал за их незамедлительную отправку на фронт, а также за вывоз стратегических грузов из сибирских портов на запад, на фронт. История ленд-лиза, услышанная, можно сказать, из первых уст, думается, заинтересует читателей.

улица Евгения Сузюмова

Орден Отечественной войны

Орден Отечественной войны

Орден Отечественной войны

Евгений Матвеевич Сузюмов - ветеран Великой Отечественной войны, с первого и до последнего дня войны находился в рядах Военно-морского флота, служил в штабе Уполномоченного Государственного комитета обороны по перевозкам на Севере (фото внизу). Был награжден 7-ю орденами и 14-ю медалями. Имел почетные знаки «Участнику плаваний в конвой» и «Ветеран Северного флота».

Затем Е.М. Сузюмов работал в Главсевморпути СССР, участвовал в высокоширотных воздушных экспедициях в Арктику, в подготовке ледовых аэродромов для защиты севера страны на случай ядерной войны, в выборе мест для дрейфующих станций СП-2 (1950), СП-3-СП-4 (1954).

С 1954 года и до выхода на пенсию в 1980 году работал в качестве заместителя начальника Отдела морских экспедиционных работ Президиума Академии наук СССР. Отвечал за организацию и проведение национальных и международных экспедиций с целью изучения Мирового океана, участвовал во многих из них, побывав во всех океанах, на всех континентах Земли и в ее самых удаленных уголках. Так, он был одним из главных организаторов Первой комплексной антарктической экспедиции Академии наук (1955-1956гг.) и стал ее научным секретарем (фото внизу).

О работах в Арктике, Антарктике и Мировом океане Е.М. Сузюмов опубликовал 13 книг (также изданы в ГДР, Румынии и Австралии) и более 170 статей и очерков. Он был председателем комитета по морской истории Национального комитета историков СССР, членом Антарктической и океанографической комиссий, а также бюро секции писателей-маринистов при Союзе писателей СССР, председателем комиссии по печати по наукам о Земле. Ветераном общества «Знание», вице-президентом Общества друзей «СССР-Австралия» Союза обществ дружбы с зарубежными странами, и т.д. С 1954 г. был членом Всесоюзного географического общества (ныне Русское географическое общество). Был избран почетным иностранным членом географического общества США.

Орден Отечественной войны

Орден Отечественной войны

Орден Отечественной войны

С Пензой и областью связаны корни семьи Сузюмовых. Эта фамилия упоминается в древних актах за 1636 и 1688 годы. Дед Евгения, Григорий Сузюмов, жил в Пензе (его дом на ул. Пушкина снесен в 1990-х годах). Сам Евгений Матвеевич родился в Пензе в 1908 г. и в 1925 г. окончил школу №4. Высшее образование получил в Москве. Неодолжительно бывал в Пензе, посещал родную школу, находился в переписке с ней, передавал в школьный музей свои книги и экспонаты из экспедиций. Умер и похоронен в Москве в 1998г.

По инициативе Пензенского областного отделения Русского географического общества этой улице присвоено имя Почетного полярника Евгения Матвеевича Сузюмова (1908, Пенза - 1998, Москва).

От Пензы до Северного Ледовитого океана

(из военной биографии Е.М. Сузюмова)

Евгений Матвеевич Сузюмов

родился в 1908 году в Пензе, здесь же окончил среднюю школу №4, высшее образование получил в Москве, занимался генетическими исследованиями. Затем от Наркомата совхозов за несколько лет объездил с инспекциями всю страну. Но 21 июня 1941 года, накануне войны, был переведен в Главное управление Северного морского пути при Совете Министров СССР, где занимал должности диспетчера, адъютанта, а затем помощником Начальника Главсевморпути, легендарного И.Д. Папанина, ставшего в скором времени Уполномоченным Госкомитета обороны (ГКО) по перевозкам на Севере. Мандат Уполномоченного ГКО давал ему практически неограниченные полномочия. О своем переводе Сузюмов вспоминал так: «Папанин позвонил по «вертушке» моему Наркому, и вопрос о моем переводе в ГУСМП был решен за одну минуту». Мнения Сузюмова при этом никто не спросил – раз надо, значит надо. Сузюмов получил указание немедленно выехать на о. Диксон – базу Западного сектора Арктики Главсевморпути. Оттуда Папанин должен был лично руководить ледокольным флотом и грузовыми перевозками. Но начавшаяся в ту ночь война спутала все планы:

Папанина задержали в Москве, и на Север, в Архангельск, он прибыл только в ноябре 1941 года. А 1 декабря к нему присоединился Сузюмов, с закрытием летней навигации вернувшийся с о. Диксон. Так началась их совместная работа длиной в 40 лет – на военном Севере, в Главсевморпути, в Академии наук СССР.

Как начальник Главсевморпути, Папанин отвечал перед руководством страны за перевозки на Севере. Караваны судов шли по Северному морскому пути с востока на запад и с запада на восток, везли из Сибири сырьё, необходимое для военной промышленности, перегонялись военные корабли с Тихого океана. Штаб Главсевморпути на Диксоне, где вначале работал Сузюмов, высылал навстречу караванам транспортов ледоколы, осуществлял их проводку через арктические льды. В это трудно поверить, но вся Западная Арктика стала ареной боевых действий – фашистские субмарины до середины войны почти беспрепятственно хозяйничали в этой акватории вплоть до Новой Земли. Небольшие тихоходные суда Главсевморпути вели за ними постоянную охоту. А ведь от бесперебойной работы Северного морского пути зависело снабжение армии, промышленности, населения. Особой задачей Папанина, как Уполномоченного ГКО, и его штаба, где служил Сузюмов, были операции по «ленд-лизу» – приемка кара-

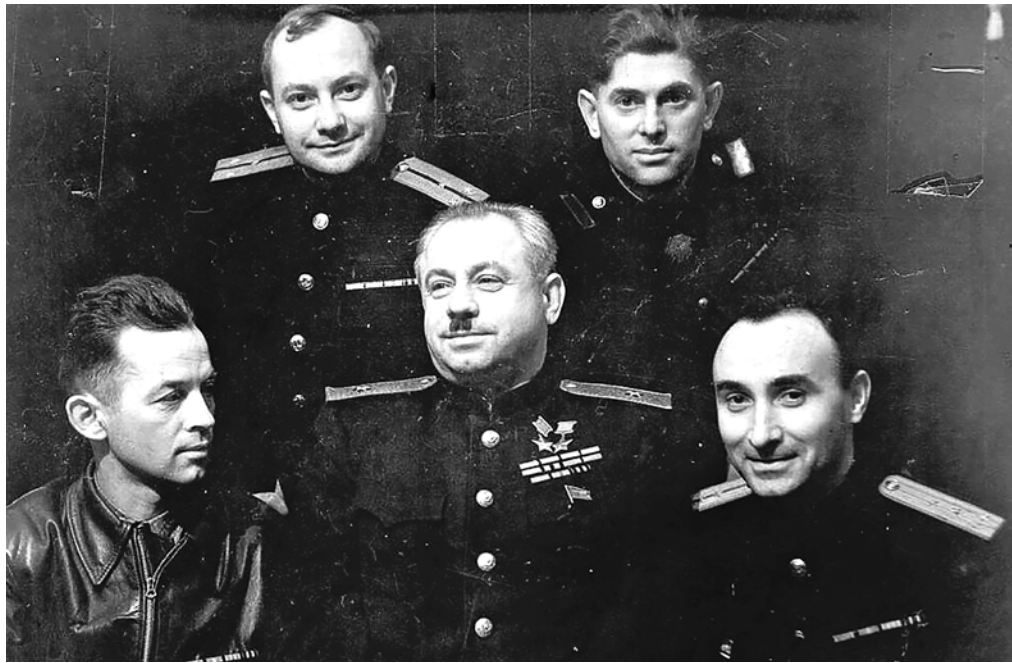
ванов судов, шедших из США и Великобритании с военными грузами, их разгрузка и незамедлительная отправка на фронт.

Очень долго у нас замалчивался тот факт, что уже в конце августа 1941 года из Англии, подвергавшейся жестоким фашистским бомбардировкам, пришел первый караван с 37-ю истребителями «Харрикейн». Для начала английские летчики прикрыли ими небо над Мурманском, сбили с десятков фашистских самолетов, а затем обучили полетам на этих машинах наших летчиков. В октябре англичане отправились домой. На «Харрикейнах» летал командующий ВВС Северного флота генерал-майор А.А. Кузнецов (после войны ставший начальником Главсевморпути, удостоенный в 1949 году звания Героя Советского Союза за создание линии обороны в высоких широтах Арктики), а также легендарный летчик-ас Покрышкин и другие наши авиаторы. Это, конечно, не означает, что наша страна не строила самолеты, но начальный период войны был самым трудным. Всего за годы войны Советский Союз получил от союзников 22 195 самолетов, а на советских заводах за этот период было произведено 143 000 крылатых машин. От Великобритании за годы войны было получено 5218 танков, от США – 7500. Советский Союз за этот период произвел 110 000 танков. 1 октября президент США Рузвельт подписал

закон о ленд-лизе для СССР – США согласились «сдать в аренду» советским войскам технику, продовольствие и нефтепродукты на \$11,4 млрд. долларов. По условиям ленд-лиза, уничтоженное во время войны имущество оплате не подлежало, а вернуть долг за «выжившее» Советский Союз согласился в размере \$722 млн. Соответствующее соглашение было подписано с США в 1972 году. На сегодняшний день весь долг выплачен.

Насколько важной была для СССР помощь союзников? За время войны, например, поставки авиационного бензина от союзников превысили объемы советского производства, каждый пятый-шестой самолет в советских ВВС был импортный, поставки автомобилей за годы войны в 1,5 раза превысили объемы внутреннего производства, и т.д. Поставлялась и американская тушенка, которую солдаты называли «второй фронт», и другие виды продовольствия. Помощь была заметная.

Мурманск – единственный незамерзающий порт на Севере, поэтому туда переместился штаб Папанина. Именно в этот порт шло большинство союзнических караванов, и именно этот город-порт стремились захватить фашисты. В своих воспоминаниях Е.М. Сузюмов говорит о том, что по интенсивности бомбардировок Мурманск уступал только Сталинграду. Караваны судов шли один за другим. С декабря 1941-го по март 1942-го в Мурманск прибыла дюжина караванов – порядка 50 грузовых судов. И всё это требовалось разгрузить, сохранить под бомбежкой и немедленно отправить на фронт – в этом и состояла работа папанинского штаба. Не все караваны в полном составе доходили до порта назначения – в пути за ними охотились немецкие подлодки, торпедоносцы и бомбардировщики. Опытные советские полярные капитаны старались идти как можно севернее – вдоль кромки льдов, в полосе туманов. Это спасло много грузов и человеческих жизней, но были и крупные потери. Немцы потопили 85 британских торговых судов и 16 боевых кораблей. Свои впечатления от того дня, 11 января 1942 года, когда в Мурманск пришел караван PQ-7, Сузюмов описал так: «...на территорию порта было сброшено больше тысячи зажигательных

Е.М. Сузюмов (нижний ряд справа) с И.Д. Папаниным (в центре). 1945 год.

бомб. Это был сущий ад... Надо было и тушить пожары, и госпитализировать раненых, и разгружать суда, и накормить моряков каравана...». Выполняя распоряжения Папанина, Сузюмов бывал в самых «горячих» точках. К нему стекалась вся информация о приходе и разгрузке судов, о бомбардировках порта и разрушениях в нем, о ситуации с грузовой железнодорожным транспортом для фронта. О ленд-лизовских караванах Сузюмов написал статью-воспоминание «Караваны продолжают приходить».

Кстати, в ленд-лизовских перевозках участвовал и знаменитый пензенец – капитан Бадигин, ставший после войны одним из крупных писателей-маринистов. Его имя гремело перед войной по всей стране. В предвоенные годы он с горсткой экипажа из 15 человек провел в арктических льдах три зимовки – 812 дней на ледокольном пароходе «Георгий Седов». Спас судно, собрал уникальный научный материал о природе Арктики. Был удостоен звания Героя Советского Союза. С началом войны являлся одним из руководителей ледокольного флота Главсевморпути, затем стал капитаном грузового судна, перевозившего паровозы из США во Владивосток. Эта работа требовала от судоводителя предельной точности – груз был настолько тяжелым, что тихоокеанские волны легко могли за какие-то секунды опрокинуть судно.

К весне 1942 года у союзников возникли сомнения в способности нашей страны справиться с громадным потоком ленд-лизовских грузов. Для проверки ситуации в мае в Мурманск приехал уполномоченный Министерства торгового мореплавания США капитан Аксель Пирсон. Позже Папанину переслали по дипломатическим каналам копию его отчета об этой инспекторской поездке (ее Сузюмов описал в очерке «Миссия капитана Пирсона»). Вот что там, в частности, говорилось: «...На нас сбрасывали бомбы утром, днем и ночью. Мы переживали по 14 бомбежек в день. Я подсчитывал налеты в течение 38 дней: нас бомбили 168 раз. После этого я бросил записывать бомбежки. Здесь вошло в привычку работать до самого последнего сигнала тревоги и многие продолжали работать и во время налетов... Что это за люди! Я никогда не наблюдал у русских подавленного настроения. Боже мой, что за народ эти русские? – спрашивал я себя ежедневно. Они абсолютно уверены в том, что выиграют войну... Мне нравятся русские. Они знают, за что воюют».

В июле 1942 г. в пути был разгромлен караван PQ-17 (из 35 судов немцы потопили 24 – англичане из-за боязни боевых потерь вероломно отозвали свои военные корабли охранения, и торговые суда остались без защиты), и в союзнических поставках наступил длительный пе-

Сын Е.М. Сузюмова А.Е. Сузюмов у стенда, посвященного памяти отца, в мкрн. Заря.

рерыв. Это время Папанин и его помощник Сузюмов провели на трассе Севморпути, «разгребая» завалы грузов, скопившихся в северных портах. Бывший революционный матрос и крымский чекист Папанин действовал жестко, а временами, видимо, и жестоко. По свидетельству академика А.Ф. Трешникова, во время войны севморпутского гидролога-прогноста, Сузюмов «многих людей спас от гнева Папанина». Этому вторит и один из «могикан» полярной авиации Герой Советского Союза, ставший начальником полярной авиации Главсевморпути И.П. Мазурук: «...все полярники и летчики всегда чувствовали на себе его внимание и заботу. Он сделал много добра людям... Большое тебе спасибо, Евгений Матвеевич, от полярников» – сказал он о Сузюмове на заседании Полярной секции Географического общества (Москва, 1978 г.). А известный ленинградский профессор-океанолог И.В. Максимов написал в личном письме (1969): «Помните, Вас называли «светлой головой Главсевморпути». А еще называли «совестью Главсевморпути»... (Российский государственный архив экономики, личный фонд Е.М. Сузюмова, ф.627 оп.1 д.171).

Окончилась война. На долгие годы операции по ленд-лизу были «забыты», публикации о них подвергались строгой цензуре. Своему

сыну Евгений Сузюмов как-то рассказал, что, согласно договоренностям, американские грузовые суда приходили в Мурманск забирать то, что «выжило» во время войны. В частности, автомобили-«студебекеры». Именно на них монтировались орудия Победы – знаменитые «Катюши». Грузовики подгоняли на пирс, судовой кран поднимал машину, а потом ронял вниз, и машина превращалась в груды покоренного металла. Евгений говорил, что суровые русские грузчики плакали, видя такое варварство...

Штаб Уполномоченного ГКО Папанина после войны был расформирован. Сузюмов вернулся в Главсевморпуть, вместе с А.А. Кузнецовым участвовал в 1949 г. в создании линии обороны на арктических льдах. В тот год было создано НАТО, стало известно о его агрессивных планах. Затем Сузюмов был переведен в Академию наук СССР, стал заместителем начальника нового отдела морских экспедиционных работ, получил звание «полковник-директор» Минморфлота СССР. За свою деятельность в военный и послевоенный период был награжден семью орденами и многими медалями, почетными знаками «Ветеран Северного флота», «Участник плаваний в конвоях», «Почетный полярник». Особенно гордился медалью «За оборону советского Заполярья».

Малая родина достойно отметила достижения своего земляка. Одна из улиц в Пензе в микрорайоне «Заря» названа его именем. В феврале 2018 года Пензенское областное отделение Русского географического общества установило там памятный стенд. В 2016 году Почтой России была выпущена почтовая марка с портретом полярника. На фасаде гимназии №4 «Ступени» появилась посвященная Сузюмову мемориальная доска. В 2017 году в городе был открыт сквер Полярников. Его «уголок» есть в музее русских экспедиций РГО в Пензе, в гимназии №4 «Ступени», а также в музее г. Нижний Ломов, городе, где Евгений Сузюмов провел школьные годы, где потом стал Почетным гражданином, где на доме его родителей в 2004 году была установлена мемориальная доска в его честь.

Для чего нужен этот рассказ? Без сохранения исторической памяти не может жить и развиваться ни одна страна. Надо знать и помнить о тех, кто был до нас, чьи ратные и трудовые подвиги стали фундаментом великих побед и величия нашей державы. Надо всегда помнить, что все мы в неоплатном долгу перед этими людьми. Надо быть достойными их памяти и стремиться к тому, чтобы хотя бы немного быть похожими на них.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

Вера ЕРОХИНА

член ВТОСХРФ, искусствовед

В. Ерохина. Ваза «В поле», керамика, глазурь.

Г. Терехин. «Пенза – город-крепость», терракота.

Т. Чагорова. «Святочное гадание», батик.

В феврале 2018 года в залах ПКГ им. К.А. Савицкого работала полномасштабная выставка «Пензенские узоры. Мир промыслов и ремесел» Академии Народного искусства России, Союза художников и мастеров народного искусства.

На выставке было представлено 600 работ 51 автора. Она объединила мастеров и художников, работающих с разными материалами декоративно-прикладного искусства. Были представлены: керамика, ткачество, батик, золотное шитье, роспись по дереву, резьба по дереву, кружевоплетение, береста, стекло, деревянная скульптура, лаковая миниатюра. На выставке свои

Работы И. Лазаревой.

Кукла из коллекции В.Н. Кокшарова.

работы представили мастера народного искусства, самодельные художники, желающие встать на «рельсы» народного искусства и уже известные художники, такие как Л. Маневич, Т. Чагорова, Л. Давыдова, И. Косырева – работающие в декоративно-прикладном искусстве и опирающиеся на традицию народного искусства, члены ВТОСХРФ, и совсем юные: студентка училища культуры и искусств Н. Панова, учащиеся студий «Сокольская керамика» МБОУ ДО «Центр развития творчества детей и юношества г. Пензы» (руководитель В. Ерохина), «Сурские зори» пензенской школы искусств «Заря» (руководитель Г. Михотина), студии МБОУ ДО «Центр детского творчества Шемышейского района Пензенской области» (руководитель С. Ткачев).

Самому молодому участнику выставки – 8 лет, самому уважаемому Кокшарову Владимиру Николаевичу – 82 года. Кокшаров Владимир Николаевич долгое время был главным художником фабрики игрушек в г. Пензе, возглавлял художественный совет по внедрению сувенирной продукции на предприятиях местной промышленности. Сегодня он председатель Союза художников и мастеров народного искусства и один из вдохновителей выставки.

В Пензенской области в настоящее время работают несколько объединений мастеров. Это Ремесленная палата (организатор выставок И. Кирилина), Народный коллектив «Сурская мозаика» (руководитель Г.З. Ананьева), неофициальное объединение мастеров городского парка им. В.Г. Белинского. Активно работает Центр возрождения ремесел в Государственном Лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы». И все они приняли активное участие в выставке. Благодаря таким разным участникам, выставка в полной мере отразила состояние народного искусства на пензенской земле. И можно с уверенностью сказать, что велик интерес у населения к народной культуре и искусству. В экспозиции соседствуют, как высоко профессиональные работы, так и работы начинающих художников. Благодаря молодому поколению, она показывает преемственность традиций их развитие и сохранение.

Любовь Ивановна Кукарцева (1948г.р.) увлекается вышивкой с детских лет, осваивала мастерство вышивальщицы под руководством своей мамы. Особенно хочется отметить вышитую бисером авторскую картину «Очей очарование» – пейзаж с. Тарханы, тонкую и изысканную по цветовому решению.

На выставке представлено много икон. Иконы в традиционной технике левкаса (Кокшаров Владимир Николаевич), в технике золотного шитья (Подгорная Ирина Николаевна), в технике резьбы по дереву (Левцов Дмитрий Геннадьевич). Среди его работ выделяется икона «Покров Пресвятой богородицы», объемная и выстроенная по композиции, она с первых минут покорила сердца зрителей. Праздничная «Икона Божией матери. Неувядаемый цвет» Подгорной Ирины Николаевны притягивает своей теплотой и нарядностью. Икона «Божией матери «Пензенская»» Кокшарова Владимира Николаевича, выполненная по всем канонам православной церкви, дополнительно украшена цветочной росписью по фону, которая напоминает велико-устюжские орнаментальные элементы.

На выставке соседствуют лоскутное шитье Гукова Владимира Николаевича, незатейливое по композиции,

но богатое в цветовых оттенках, с керамикой мастеров абашевского промысла Пензенской области Тимофея Зоткина, Евгения Ивина, Евгения Соловьева.

В батиках «Охота», «Ярмарка» Людмилы Маневич видим мотивы абашевской игрушки в сложных виртуозных композициях. Сочные и орнаментальные батники Татьяны Чагоровой передают все оттенки национального колорита, в них звучат мотивы народных русских песен и танцев – батники «Хоровод», «В поле», «Святочное гадание». Отталкиваясь в своих творческих поисках от мотивов абашевской игрушки и художник керамист Геннадий Терехин (скульптура «Сказочный олень»).

Некоторые мастера черпают вдохновение, наоборот, из творчества профессиональных художников, в скульптуре Сергея Туркичева «Вирява» можно почувствовать влияние Степана Эрзи.

Нельзя не сказать о Галине Михотиной, работающей в технике росписи по дереву и керамике. Роспись по дереву не является традиционной для Пензенской области, но творчески переплавляя традиции ведущих российских центров Хохломы, Городца и др., она пытается создать свой неповторимый стиль, стать родоначальником этого вида народного искусства на пензенской земле.

На открытии выставки мастера знакомили посетителей с техникой работы по бересте (Т. Скрипова), кружевоплетению на коклюшках (Ел. Яхина).

Представленные в разных частях экспозиции тканые половички, подушки и вязанные салфетки, придали живость и тепло всей выставке.

Мастерицы, работающие в технике золотного шитья, сплотились вокруг Ремесленной палаты, они выполняют заказы, участвуют во всероссийских, международных выставках. Жемчужиной экспозиции стали графичные лаконичные картины Марины Теплицкой.

Впервые пензенцы увидели шикарные произведения ювелирного искусства. Это искусство далеко от крестьянского. Но традиционно выполняли такие украшения для знатных особ крепостные. Браслеты, колье, броши Комаровой Дины, Абдурахимовой Ирины, Совватейкиной Елены, выполненные из редких камней и драгоценных металлов, стали жемчужиной выставки.

Среди участников выставки были и коллекционеры. Свою собственную коллекцию показал президент Академии Народного искусства Пензин Виктор Петрович, Сеселкина Вера Юрьевна, Кокшаров Владимир Николаевич.

Интерес к народной культуре и традиционному искусству в Пензенской области стал повсеместным, и поддержан правительством Пензенской области. В ноябре 2017г. прошел 1 всероссийский фестиваль «Пенза-сердце мастерства». Сотрудники Государственного музея-заповедника проводят не только экскурсии, связанные с биографией М.Ю. Лермонтова, но и много времени отводят работе по возрождению ремесел – лепят из глины забытую языковскую игрушку, шьют тряпочные куклы, расписывают. Работы сотрудников Центра возрождения музея – заповедника также были представлены на выставке.

Участники и организаторы выставки под руководством президента Академии Народного искусства России Пензина Виктора Петровича, сотрудников и директора ПКГ им. К.А. Савицкого Застрожного Кирилла Владимировича подарили праздник жителям города.

В.Н. Кокшаров. Икона Божией матери Нижнеломовская.

Д.Г. Левцов. Покров Пресвятой богородицы.

ЖИЗНЬ В МИНИАТЮРЕ

Анатолий КОЛОМЫЦЕВ

Не так давно в России отмечали 220-летний юбилей федоскинской лаковой миниатюры. Это старинный промысел, которому, как таковому, уже более 250 лет.

В Пензе тоже есть продолжатели замечательных традиций федоскинских мастеров. Светлана и Владимир Борисовы, уже более двадцати лет занимаются лаковой миниатюрой. Впрочем, «занимающихся» – не совсем правильно, лучше сказать, что они ей живут, вместе идя путем творчества.

Светлана – профессиональный художник, окончила Пензенское художественное училище им. Савицкого, затем – институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина при Петербургской академии художеств. Могла бы реализовать себя и в живописи, и в акварели, но предпочла миниатюру. Может быть, потому, что, по ее словам, завораживает прорисовка мельчайших деталей, возможность создавать на маленьком ломтике дерева или камня целый мир. Владимир – равноправный соавтор Светланы. Он выполняет всю предварительную работу, подготавливая жене, так сказать, территорию творчества. Он же и завершает творческий процесс – покрывая изделия тончайшим слоем лака.

В марте в Пензенском Литературном музее прошла их вторая персональная выставка. Первая, называвшаяся «Пути поэта» и посвященная

Фото автора.

творчеству М. Лермонтова, состоялась в 2011 году. Как уже говорилось, Борисовы продолжают и творчески развивают традиции федоскинской миниатюры. Значительное место в их творчестве занимает пейзаж. На выставке можно видеть множество изделий, изображающих природу родного края. Отдельная тема – анималистика. Кошечки, собачки, зайцы изображены так реалистично, что их невольно хочется погладить. Присутствует в творчестве Борисовых и религиозная тематика. Кстати, на последней выставке была представлена роспись по камню и перламутру. Это, можно сказать, новое направление, освоенное творческим дуэтом. Перстни, подвески, серьги переливаются всеми цветами радуги, причем каждое изделие отмечено печатью индивидуальности. Кроме того, специально для нынешней выставки супругами Борисовыми была создана серия работ на темы литературных произведений Пушкина, Лермонтова, Толстого и других российских классиков. А еще в преддверии чемпионата мира по футболу Борисовы подготовили оригинальные сувениры с символикой чемпионата, тоже, разумеется, выполненные в технике лаковой миниатюры.

АФИША

ДОМ МЕЙЕРХОЛЬДА ТЕАТР ДОКТОРА ДАПЕРТУТТО / ИЮНЬ

1 июня /18:30
«СКАЗОЧНИКИ» (16+)

2 июня /18:00
«ДОН ЖУАН, ИЛИ ЛЮБОВЬ К ГЕОМЕТРИИ» (16+)

3 июня /15:00
«ТРИ АПЕЛЬСИНА» (12+)

7 июня /18:30
«ДОН ЖУАН, ИЛИ ЛЮБОВЬ К ГЕОМЕТРИИ» (16+)

8 июня /18:30
«ВЕНЕЦИАНСКИЕ ЗАТЕЙНИКИ» (16+)

9 июня /18:00
«СКАЗОЧНИКИ» (16+)

10 июня /15:00, 17:00
«ТРИ АПЕЛЬСИНА» (12+)

14 июня /18:30
«ДОН ЖУАН, ИЛИ ЛЮБОВЬ К ГЕОМЕТРИИ» (16+)

15 июня /18:30
«СКАЗОЧНИКИ» (16+)

16 июня /18:00
«РОЗЕНКРАНЦ И ГИЛЬДЕНСТЕРН МЕРТВЫ» (16+)

17 июня /15:00, 17:00
«ТРИ АПЕЛЬСИНА» (12+)

24 июня /18:00
«ВДОВЫ» (16+)

29 июня /18:30
«ВЛЮБЛЕННЫЙ ЖУРДЕН» (16+)

30 июня /18:00
«ВЛЮБЛЕННЫЙ ЖУРДЕН» (16+)

В репертуаре возможны изменения и дополнения
Справки по телефонам: 56 46 20, 56 22 88;

ПЕНЗЕНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМ. А.В. ЛУНАЧАРСКОГО / ИЮНЬ

3 июня /11:00/ Малая сцена.
САМАЯ ДОБРАЯ СКАЗКА (0+) С. Козлов. Музыкальный спектакль для детей по пьесе «Три! Здравствуйте!».

6 июня /18:30/ Большая сцена.
ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА (12+) А. Островский. Комедия в двух действиях.

7, 21 июня /18:00/ Большая сцена.
ЗОЛОТО. ЛЮБОВЬ. РЕВОЛЮЦИЯ (16+) Ю. Поляков. Почти комедия с антрактом по пьесе «Золото партии».

8 июня /18:00/ Большая сцена.
СМЕШНЫЕ ДЕНЬГИ (16+) Р. Куни. Комедия в двух действиях.

10 июня /19:00/ Большая сцена.
БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ И ГРУППА «АКВАРИУМ» (12+)

12 июня /18:00/ **22 июня** /18:30/ Малая сцена.
НАМ НИКОГДА НЕ ПОЗАБЫТЬ... (12+) Музыкально-поэтическая композиция по стихам и песням о Великой Отечественной войне.

15, 27 июня /18:30/ Большая сцена.
ЛЮКС № 13 (16+) Р. Куни. Комедия в двух действиях.

16 июня /18:00/ Малая сцена.
ПУТЬ ЛЕВОЙ РУКИ (12+) О. Михайлова. Драма в одном действии.

17 июня /11:00/ Малая сцена.
РУКАВИЧКА (0+) Г. Латышева. Музыкальный спектакль по мотивам русской народной сказки.

19 июня /18:30/ Большая сцена.
КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ (16+) Р. Куни. Экстремальная комедия в двух действиях.

20 июня /18:30/ Большая сцена.
ФИЛУМЕНА МАРТУРАНО (12+) Э. Де Филиппо. Семейные страсти в двух действиях.

28 июня /18:30/ Малая сцена.
ЛЮБОВЬ ДО ПОТЕРИ ПАМЯТИ (16+) В. Красногоров. Сумасшедшая комедия в одном действии.

Возможны изменения в репертуаре.
Справки по телефонам: (8412) 56-30-46, 56-40-89.
Касса работает без выходных дней с 10.00 до 19.00

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ / ИЮНЬ-ИЮЛЬ

1 июня /11:00 – Проведение квеста «Операция ПКМ» в рамках Международного дня защиты детей».

5 июня /12:00 – Круглый стол «Повышение общественной активности семей военнослужащих путем вовлечения их в социально значимую деятельность».

5 июня /12:00 – Квест «Музей – машина времени».

1 декада июня (по заявкам) – Фольклорный праздник «Троица» для детей из пришкольных лагерей.

17–18 июля – Открытие выставки «Крушение цитадели. Пензенцы в боях на Курской дуге» к 75-летию Курской битвы.

Работа стационарных выставок

- «Геологическое и палеонтологическое прошлое Пензенского края»;
- «Природа Пензенского края и её охрана»;
- «Старинный город с русской душой»;
- «Поле ратной славы. Пензенцы в Отечественной войне 1812 года»;
- «Немеркнущая слава подвига»;
- «Революции и Пензенский край. 1917-1939 гг.».

Работа временных выставок

- Выставка «Полезные ископаемые Пензенского края»;
- Выставка «Древняя мордва. Итоги исследований. 1956-2015 гг.»;
- Выставка «Пенза – моя вдохновительница» к 355-летию г. Пензы.

Музей народного творчества

Выставки:

1 июня /12:00 – Открытие выставки мастера Гурьевой Г.В. «Шерстяная фантазия».

15 июня /12:00 – Открытие выставки художника Гейченко С.Ф. «Мир глазами художника».

21 июня /12:00 – Открытие юбилейной выставки Л.И. Кукарцевой «Творчество, пронизанное любовью» (вышивка крестом, бисером).

2 июля – Открытие выставки мастерской керамики «Hand Band» «Посуда от души и для души». Авторы- О. Годяцкая, А. Антонова.

9 июля – Открытие выставки резчика по дереву В.Д. Суркина «Легенды из дерева» (с. Пазелки, Бессоновский район).

13 июля – Открытие юбилейной выставки Н.И. Илюниной (различные виды декоративно – прикладного творчества).

18 июля – Открытие персональной выставки Погореловой И.В. «Роскошь вышивки».

Работа экспозиции:
«Традиционные художественные промыслы и ремесла Пензенского края. История и современность».

Музей И.Н. Ульянова
1 июня – Открытие выставки «Все лучшее – детям!». Образ советского детства в бытовых вещах.

Работа экспозиций:

- «Мир пензенских сословий: семья и быт 19-20 вв.»;
- «И.Н. Ульянов в Пензе и его окружение».

Музей В.О. Ключевского

1 декада июня (по заявкам) – Интерактивная программа «Душа русского чаепития».

Работа экспозиции:

«В.О. Ключевский. Страницы жизни».

Музей Н.Н. Бурденко

Работа экспозиции мемориального дома-музея Н.Н. Бурденко.

Мероприятия:

12 июня – Открытие Галереи Почета и Славы Пензенской области, торжественная церемония занесения лучших по профессиям и передовых предприятий на Доску Почета.
Сквер ул. Славы.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ

ИЮНЬ

1 июня /11:00
«ТАКИЕ РАЗНЫЕ ДЕТИ». Конкурсная программа. Музей А.И.Куприна

1 июня /11:00
«В ГОСТЯХ У СКАЗКИ». Литературная викторина. Литературный музей

1, 29 июня /16:30
«45 МЕРИДИАН». Заседание медиа-клуба. Литературный музей

6 июня /14:00
«ТАМ, НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ». Квест-игра. Музей А.Н. Радищева

6 июня /15:00
«СОЛНЦЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ». Литературный вечер. Музей А.И. Куприна

6 июня /13:00
«СТРАНА ЛУКОМОРЬЕ». День памяти А.С. Пушкина. Музей В.Г. Белинского

7 июня /12:00
«ЧЕЛОВЕК ОН БЫЛ...» Открытие выставки. Музей В.Г. Белинского

7 июня /11:00
«Позволь смиренно поклониться колени...» Литературный митинг. Усадьба музея В.Г. Белинского

8 июня /15:00
«ВЗОЙТИ НА КОСТЁР». Литературная программа. Литературный музей

8 июня /12:00
«ПОЛНА ЗАГАДОК ЧУДЕСНАЯ ПРИРОДА». Викторина. Музей А.И. Куприна

11 июня /12:00
«ТВОРИЮ ОТ СЕРДЦА И ДУШИ». Выставка-дебют. Музей А.Н. Радищева

11 июня /11:00
«ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ТВОИ В ЮБИЛЕЙ». Торжественные мероприятия. Музей В.Г. Белинского

12 июня /16:00
«УГОЛОК РОССИИ-ОТЧИЙ ДОМ». Спектакль. Литературный музей

12 июня /11:00
«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, РОССИЯ!» Праздничная программа. Музей А.Н.Радищева

13 июня /14:00
«В ГОСТЯХ У БЕЛИНСКИХ». Литературная программа. Музей А.И.Куприна

15 июня /13:00
«Я СКАЖУ НЕ НАДО РАЯ, ДАЙТЕ РОДИНУ МОЮ». Литературный вечер. Музей А.И.Куприна

20 июня /14:00
«ЗЕМЛЯ ОЦОВ». Открытие выставки. Литературный музей

20 июня /15:00
«ВОЛЬНИЦА». Литературно-музыкальный вечер. Литературный музей

21 июня /12:00
«САДОВНИК ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ». Литературный вечер. Музей А.Н. Радищева

21 июня /20:00
«СВЕЧА ПАМЯТИ». Акция в День памяти и скорби. Мемориал павшим в с. Наровчат
Монумент Воинской и трудовой славы
Мемориал г. Белинского

21 июня /11:00
«ЗЕМЛЯ ОЦОВ». Юбилейные мероприятия. БДЦ с. Малая Сердоба

23 июня /11:00
«РИСУЕМ ОЛИМПИЙСКИЙ ФЛАГ». Творческая мастерская. Музей А.И. Куприна

26 июня /16:00
«МЫ ХОТИМ ВСЕМ РЕКОРДАМ НАШИ ГРОМКИЕ ДАТЬ ИМЕНА». Конкурсная программа. Музей А.И. Куприна

27 июня /12:00
«Я - ВОЛОНТЕР». Творческий конкурс. Музей А.Н. Радищева

29 июня /14:00
«МЫ ИМ ОБЯЗАНЫ ВДВОЙНЕ». Музейный урок. Музей А.И. Куприна

Борис Дрыжак.
«Дедушкина пилотка»